

НАВКЛЕР ВИАЛ

КНИГА

НЕГОСТРЕПРИИМНЫЕ ВОДЫ

АЛЕКСЕЙ ЕГОРОВ

16+

Алексей Егоров

**Навклер Виал 4:
Негостеприимные воды**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Егоров А.

Навклер Виал 4: Негостеприимные воды / А. Егоров — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-07506-1

Навклер Виал не обладает страстью к планированию, зная, что во все планы вмешается Случай. Ловушка для старого врага оказалась успешной, Виал с товарищами сталкивается с непредвиденными опасностями, которые как штормовой ветер уносят его от дома. Лишившись возможности сообщить о предстоящих опасностях, Виал оказывается там, где и намеревался. Случай забросил его в пространство, ранее неизвестное гирцийцам. Спутники, захваченные потоком, оставляют обиды и претензии. Ни природа далеких земель, ни иноземные боги не смогут их остановить. Для обложки использована художественная работа автора.

ISBN 978-5-532-07506-1

© Егоров А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава 1

Путь на запад был неблизким, припасов мало, сплоченности среди выживших в кораблекрушении не было.

На веслах до полуострова выжившие дойдут в лучшем случае за четыре дня. Пресной воды почти не осталось. Это с учетом того, что все люди на борту были здоровы – относительно; умели ловить рыбу – при наличии снастей; не боялись работать руками – но вот желания ни у кого не было.

После гибели корабля возле острова Печального, люди больше не разговаривали между собой. Виал понимал, в чем причины подобного, но все равно злился.

С трудом ему удалось загнать своих спутников и неожиданного помощника в лодку. Ночью, не боясь течений и духов, они вышли в море.

Виал по звездам выбрал направление на запад, взялся за кормило. Кроме него, никто не смог бы найти путь в темноте, среди рифов, одиноких островков, ориентируясь по дрожащему свету звезд. Были и другие приметы, о которых Виал не упоминал.

Его команда работала из рук вон плохо. Шлюпка, которая раньше принадлежала Арсу Триптолемиду, была старой, разохшейся лоханью. Благо, что расстояния между островами невелики.

Двое гребли, один держал кормило, а четвертый выгребал воду. На веслах шли ночь, половину вечерних и утренних часов. Днем пережидали жару на островах, прячась среди развалин.

Два дня пути и от силы десятков слов.

Конечно, в таком режиме сложно вести разговоры. Течения и ветер выматывали, как бы дыхание не сбить. Виалу казалось, что Эгрегий и Хенельга его игнорируют. Ну, а что касается Мустифа – парня навклер вообще решил не трогать.

И зачем он его спас? Виал не раз задавался этим вопросом. Единственным объяснением было желание замолить грехи. Все-таки отправить на дно четыре десятка людей с их кораблем, грузом и надеждами тяжкое для совести испытание.

Виал подстроил нападение на судно, которое сам же нанял, а потом и сжег его с помощью огненного зелья. По поводу навклера, которому принадлежало это судно, Виал не переживал – тот заслужил свою участь. Но остальная его команда? Обычные люди, нанятые Арсом, но не знавшие ужасов гражданской войны.

Да, эти моряки были дирахийцами, кровными друзьями граждан Циралиса. И в предстоящих событиях эти люди примут сторону родного города. Зачем им поддерживать соседа? Смерть этих людей стратегически необходима, ведь они сядут на скамьи тех судов, что будут топить суда из Циралиса.

И все же – на душе неспокойно.

Всему виной обвинения Эгрегия. Тот бросил товарищу, что моряки Таска не виноваты в грехах своего навклера. Это правдивые слова, нельзя поспорить.

Было еще одно, что тяготило Виала: смерть этих людей была не обычной, а словно человеческим жертвоприношением. Для цивилизованных людей подобные действия... слишком тягостны.

Меньше всего Виал думал о корабле, что погиб на волнах, объятый пламенем. Таск – отменный корабль, предмет зависти любого навклера. Казалось бы, его гибель, жестокая участь должна тяготить Виала больше, чем жизни каких-то моряков. Но вышло иначе.

Корабль отправился на дно в жертву Мефону, покровителю торговцев из Циралиса. Это судно теперь вошло во флот морского бога. Так чего же о нем переживать, дух этого судна занял положенное место.

Люди же станут рабами жестокого Хозяина вод. Это тоже необходимо, но ведь дома за них переживают, в подземном царстве их ждут тени родичей. А теперь им не будет ни тризны, ни могилы, только кенотаф на родине, когда вести о гибели Таска дойдут до Дирахия.

Душам моряков от этого не станет легче, они не свидятся с предками и родичами в подземном царстве.

Оставив в стороне переживания, Виал понимал, что поступил бы так же, будь у него возможность вернуть прошлое.

Как опытный торговец он предпочитал извлекать из предприятия максимальную выгоду. А это предприятие позволило ему отомстить за гибель товарищей, что все еще ждали исполнения клятвы. Мечь, удар по конкуренту, наказание предателя – таков доход.

В расходы следует записать потерю времени, возможные трения с родственниками погибших, охлаждение отношений между сенатами двух городов. Последнее, впрочем, не столь большая потеря. Дирахий и Циралис всегда находились в состоянии войны.

Раз компаньоны игнорировали навклера, тому приходилось заниматься самокопанием.

Тот корабль, что напал на Таск, более не встречался. Это немудрено, пираты потеряли с десяток человек, еще десяток отделались ранениями, но опасней всего было пламя, которое выпустил Виал.

Чужое судно не могло не пострадать. Времени оценить эти повреждения не было, но Виал знал, по опыту знал, насколько опасно пламя в море. Иначе не стал бы покупать зелье у друзей.

Кроме тех пиратов в Сикании водятся другие. Каждый встречный островок может быть стоянкой для корабля. Не стоит рассчитывать, что пираты не позарятся на такой мелкий улов. Даже четыре человека – хороший товар для них, а взять его намного проще, чем ограбить большой корабль. Верный доход.

Спутников, казалось, эта перспектива не беспокоит, хотя Виал не переставая напоминал им об осторожности.

По счастью, даже в небольшом море, коим является Сикания, не так-то просто натолкнуться на чужое судно. Изредка Виал замечал белые паруса за горизонтом, но это мог быть обман зрения. Одинокую шлюпку никто не беспокоил, не помогал и не мешал четверке выживших тихонько ползти на запад.

Минула вторая ночь пути. Съестные припасы подходили к концу, а недостаток питьевой воды уже давал о себе знать. Приходилось обходить каждый островок, к которому они приставали в поисках луж с водой. С раненной ногой Виал едва ли годился для таких обходов, потому оставался сторожить лагерь.

– Небось, подумали, что я специально спас Мустифа, – бормотал Виал, когда спутники покидали его. Так не хватало общения. – Вдруг мяса не хватит на дорогу...

Случалось, не так уж редко пополнять припасы из подобного источника. Пираты частенько им пользуются, не боясь гнева богов. Но мотивы Виала были иными, только спутники не желали слушать объяснений.

Бывшему рабу Эгрегий отдал небольшой нож. Виал подумал, что это для самозащиты. Для защиты от него, а не от внешней угрозы. Проклятье! Как так получилось, что за один день все переменилось!

Оставалось надеяться, что либо в Тритоении, либо раньше им все же придется отказаться от своего презрения. Упрямства этим двоим не занимать, но соображают они хорошо.

– О, Мефон, – взмолился Виал. – Пошли нам злой ветер!

Но даже случись какая опасность, спутники подумают, что Виал подстроил ее. Теперь любая случайность, может быть оценена как запланированное событие.

И это после того как Виал сам предупредил спутников о своих намерениях! Не знал только Мустиф. Он, будучи рабом, должен был предупредить Арса о готовящемся. Не помогла бы даже возможность получить свободу. Раб не так глуп, как может показаться, он бы не стал доверять тому, кто замыслил предательство.

Но эти двое – Эгрегий и Хенельга! Чего они так?! Виал не понимал.

Если им не хотелось участвовать, так могли бы сразу сказать Арсу или уйти в порт, когда была возможность. Но нет же, решили пойти до конца с товарищем, а в итоге недовольны собственным решением.

Это бремя молодости, решил Виал. Спутники не способны принять ответственность за поступки. Мало у них опыта, а излишняя свобода, скорее бремя, чем благо.

Виал стукнул себя по голове – надо было не говорить спутникам о предстоящем. Тогда бы у них не было повода злиться на себя, а значит, обвинять его.

Острова Сикании были небогаты на естественные источники воды. Редкие лужи зелени, в них водились личинки. Тамариски и солянки, росшие вокруг, не пригодны для в пищу. Виал, оставаясь в лагере, пытался выпаривать морскую воду, но из этих попыток ничего не получалось. Слишком мало топлива, худой котелок, пар легко проходит сквозь ткань, не питывая ее.

От жары и жажды меньше всего страдал Мустиф. Родившийся в Кемиле, проживший десяток лет в дельте среди москитов и тростников, он привык к жаркому климату и отсутствию питьевой воды. Хенельга тоже держалась, но заметно исхудала, а двум мужчинам было тяжелее всего. Особенно Виалу – возраст, ранения и презрение товарищей.

В первый день им повезло, легкий дождь омыл тела, позволил наполнить фляги водой. Но затем небо начало забирать то, что подарило щедрой рукой. У богов своеобразное чувство юмора, жестокость которого известна каждому.

С рыбой были проблемы, чей сок помог бы утолить жажду. Редкие крабы и ящерицы позволяли пополнять запасы. Их не жарили, не варили, жрали сырыми, чтобы удержать каждую каплю влаги. Едва ли такого рациона хватит надолго.

Третий день; и вот позади остались острова, что цепью разбросаны в море. На западе в дне пути, а может, в двух лежит полуостров, где царствует великий город Тритоения. Теперь людям не удастся отдохнуть, пристав к берегу, придется все эти дни идти на веслах.

И нет гарантии, что удастся пристать в берегу в ближайшие дни. Возможно, их отнесет к северу или югу. Второй вариант еще подходит, но на севере вблизи порта опасно.

Виал подумал, что Эгрегий возможно был прав. Следовало продолжить путь на север. До острова Блинецов они могли бы добраться за пару дней.

Теперь уже не имело смысла кусать локти.

Сложный путь был завершен. Благодаря стараниям команды и навыкам Виала, удалось пристать к полуострову. Течения отбросили лодку к югу, оставили ее у рыбацкой дереvушки. Но это была Тритоения, точнее, хора славного полиса. Рыбаки, вытащили изможденных людей из лодки и дали им два дня отдыха. Худая, старая шлюпка вскоре пропала – не удивительно. Гостей не прогоняли, но и не расспрашивали.

Эти четверо были жертвами кораблекрушения, но при оружии, так что на рынок их никто не потащил, связав. Гостей кормили, поили, позволили набраться сил, а затем выпроводили прочь.

Данаи всегда приветливы с чужаками.

Только удалившись от поселения, Виал со спутниками смогли расслабиться. Рыбаки были столь любезны, что снабдили их в дорогу вяленой рыбой и запасом воды. Ни вина, ни масла, но хоть не поработили их, на том спасибо.

– Терпеть их не могу, – Эгрегий сплюнул.

На ближайшем холме расположилось стадо коз, но пастуха видно не было. В Поллиэтии сложно скрыться, остаться незамеченным. В этой холмистой стране мало площадей, пригодных для жизни, потому люди заняли любой пригодный клочок земли.

– Еще долго нам вкушать их гостеприимства, – сказал Виал.

Ему не ответили. Громко вздохнув, Виал спросил у Мустифа:

– А ты, что намерен делать? Продолжишь путь с нами или пойдешь своей дорогой.

Парень взглянул на навклера. Миндальные глаза походили на стеклянные бусины, лицо ничего не выражало. Сложно угадать эмоции кемильца. Виал поежился, не хотел он трогать парня, но что еще делать?!

– Пойду с вами, – наконец ответил он.

– Уверен? Сам видишь, мы не в лучшем... положении.

– Отправься я один, так вновь окажусь в цепях. Придется рассказать, что стало с моим господином.

– Я тебе говорил, что никто не поверит!

– А им надо верить? Хватит повода, чтобы лишить вас троих свободы.

Виал нахмурился, в словах парня есть истина.

– Потому, лучше мне пойти с вами, – продолжил Мустиф. – Под пытками я все расскажу, но свободы не получу, жизнь не сохраню.

– Странно, ты не очень-то цеплялся за жизнь, – заметил Виал.

Уж не собрался ли парень дойти с ними до полиса, а затем сдать властям?

– Раз море отринуло меня, разделило с господином, так смерть моя ничто для него.

– Твой господин теперь в царстве Хозяина вод, – прошептала Хенельга.

Все трое посмотрели на нее, женщина не отвела взгляда.

– Как я, мои спутники.

Виал оценил иронию. После смерти они уйдут в подводный дворец, станут карпами Мефона, как и Арс. А кемилец Мустиф никогда не встретит своего господина, если не отдаст жизнь морскому богу. Но сам он этого сделать не может.

Какое облегчение!

Если парень и решит отомстить, то сделает это своими руками. А этого Виал опасался меньше, чем суда данаев.

Козье стадо переместилось на другую сторону холма. Виал предложил спутникам пойти на север, только из полиса они смогут покинуть полуостров. Пешком же им придется идти до самого Виорента, минуя деревеньки, неприветливых жителей и две границы.

Никто не возразил. Хотя бы подчиняются разумным решениям.

Группа выживших выглядела необычно. И пусть в Тритогении можно встретить представителей всевозможных народов, но эти четверо слишком выделялись. Изменить ничего нельзя. Виал не мог придумать подходящую историю.

Вопросы точно будут задавать. Денег, чтобы заткнуть всех, мало, а связей у торговца из Циралиса здесь нет. Если не считать магистрата, подчиненного сенату Государства. Этот человек здесь находится на правах гостя, но имеет право присутствовать на собраниях, даже высказывать «пожелания».

Для них это ничего не меняет. Встретиться с магистратом не удастся, а даже если получится, тот не станет помогать согражданам.

Остается только прикинуться потерпевшими кораблекрушение. Это исключит хотя бы часть вопросов. Как смог, Виал объяснил товарищам, что от них требуется. Никто не возразил, но и не согласился с ним.

Всюду встречались следы пребывания людей. По тропе шли крестьяне, на холмах пастухи гоняли стада коз, в море видны были белые паруса рыбацких лодок. Тем удивительней, что в этом обжитом краю не организована оборона.

Виал не заметил ни смотровых башен, ни конных патрулей – ничего! Конечно, враги не смогут забраться по отвесным скалам, что протянулись с севера на юг, но кто защитит многочисленные деревушки. Чуть ли не через каждые сто футов встречалась хижина, две – крестьянские домики, что следили за садами. Вся свободная территория была отдана под пастбища и сады. Дикорастущих деревьев не было, не считая священных лесов. Но, насколько знал Виал, они находятся на севере полуострова.

Сады представляли собой маслинники, что рядами протянулись по террасам на холмах. Домики крестьян притаились между ними. Убогие строения из бутового камня, годились только для сна. Находиться целый день в них просто невозможно. У крестьян никогда нет времени, чтобы бездельничать. И зимой они тратят много времени на ремонт инструментов, продажу продукции или нанимаются к богатым землевладельцам. Эти домишки использовались как склады и место для сна.

Соломенные крыши, ограды из ветвящихся растений. Небольшой загончик для домашней скотины. Людям нечего предложить, потому гостям они не рады. Да чужеземцы и не собирались беспокоить хозяев. Скорей бы добраться до полиса, убраться отсюда.

– В Виоренте так же? – нарушила молчание Хенельга.

Только она, казалось, продолжала общаться с Виалом.

– В сельской местности? Да, так же, – ответил он. – Оно и в Гирции не лучше. Лишь к северу от столицы нравы мягче.

– Почему так?

– Жизнь легче. Пересечения дорог, богатства как пыль оседают в тех краях. В этом плане южным муниципиям повезло меньше.

– Я полагала, море приносит больше прибыли.

– Так и есть, но требует оно несоизмеримо. А зерна на севере производится больше. Зерно – главное богатство.

В неурожайные года эту максимум лучше всего видно. Кто богат, и так не голодает, это беднякам больше достается.

Хенельга спросила, сколько им еще идти, но Виал этого не знал. Он лишь представлял, где находится Тритогеия, никогда там не бывал. Идти придется день, а может два, если не три! Благо, что в жару не очень хочется есть. С водой проблем почти не было, горные ручейки еще не пересохли, и пополнять фляги можно на ходу.

Ночевать придется на лугах, чтобы не платить за место в загоне с козами. Виал предупредил, что крестьяне не пустят чужаков в свой дом. Да и кто откроет оборванцам свой дом.

Жалкий вид защищал путников от грабителей. На тропах встречались десятки таких же нищенствующих.

В первый день добраться до Тритогеии не удалось. Из-за холмов не видно, как далеко находится город. Заночевать пришлось на утесе, в стороне от тропы. Виал надеялся, что тут их никто не побеспокоит.

Всю ночь путешественники ворочались, не могли толком уснуть. Камни хоть и нагрелись, но холодный ветер обжигал, и заставлял людей жаться друг к другу. Тут уж не до обид, тепло иным способом не добыть. Костер устроить не получилось: топлива слишком мало, а рубить старые оливы опасно.

По тропе ходили люди, осыпались камешки. Беспокойно вопили птицы, что гнездились на склоне скалы. Этот базар продолжался до утра, словно птиц что-то беспокоило. Виал поглядывал по сторонам, но не заметил никого. В этих местах люди охотятся за яйцами птиц. Да и самих птенцов не против унести. Спускаются по скале, держась за щели, с удивительной ловкостью. В основном этим занимаются дети.

Может, поэтому в Тритогеии лучшие моряки? Эти скалы помогают отсеивать слабых и неуклюжих детей. Это лучше, чем то, как с ними поступали в прошлом – сбрасывали со скалы.

Не выспавшиеся и голодные, путники вернулись на дорогу.

– Теперь я понимаю, – чуть позже сказал Эгрегий.

Виал не стал спрашивать, что понял парень. Не хотел провоцировать его.

Не дождавшись вопроса, парень сам сказала:

– Понимаю, почему твое ремесло такое тяжелое. Не тоже самое, что пьянствовать в гостинице, транжирить деньги.

– Деньги у нас есть, да только не имеют они тут ценности, – сказал Виал.

У него оставалось несколько векселей из храма Мефона. А так же оружие, что удалось захватить с Таска и кое-какая мелочевка. Оружие продавать не станешь, колечки и амфориски даром не нужны крестьянам. Векселя они и подавно не примут.

Виал сомневался, что документы примут в Тритогеии. В Виоренте с этим возникли проблемы, хотя города были связаны. Так и застрянут путешественники на полуострове, пока не найдут работу, чтобы купить билет домой. Виал понял, что допустил огромную ошибку, устроив предприятие так, что не имел больше ресурсов.

Надо было заслат в храм Энносигея в этом полисе деньги, чтобы потом спокойно забрать их.

Теперь уже поздно сокрушаться, придется рассчитывать на векселя и собственные силы. Трое молодых людей смогут заработать и прокормить команду. Сам же Виал сейчас едва годился для чего-то стоящего. Раны зажили, но все еще болели. Слабость никуда не делась, да к тому же донимал жар.

Левая кисть болела, со стопы сползала кожа. Виал ковылял босиком, отчего ожоги покрывались пылью. Возможно, раны загноятся. У Виала не было обуви, но даже имей он сандалии, так не надел бы. Завязки точно бы истерзали кожу.

Приходилось у каждого ручья промывать раны. Виал каждый раз шутил, что необходимо воспользоваться мочой, и только один человек годился, как поставщик этой жидкости.

Никто не поддерживал его шутку. Молодые люди угрюмо отворачивались, а Хенельга была слишком взволнована из-за состояния Виала, чтобы смеяться.

– У тебя жар, – сказала она на очередном привале.

– Я не могу позволить себе болеть.

– Нога красная, пузыри лопнули, но сукровица течет.

Смывая пыль, смешанную с гноем Виал испытывал облегчение. На время это приносило облегчение.

– Как ты идешь?! – поразила Хенельга.

– Разве у нас есть выбор? Но я не откажусь, если вы понесете меня.

– Размечтался! – Эгрегий всплеснул руками. – Раз затеял эту ерунду, так сам расплачивайся.

Виал кивнул.

– Если ему станет хуже, – вступилась за товарища Хенельга, – мы все пострадаем.

– Чего это?!

– А того! Он знает язык...

– Ты тоже можешь объясниться с местными.

– Но меня они слушать не станут! И тебя тем более.

– Надо же, да я ценный актив, – хмыкнул Виал.

Радовало, что его не бросят.

Виал сомневался, что смог бы предложить товарищам оставить его. Не хотел и боялся этого, не мог остаться один в краю цивилизованных данаев. Уж лучше среди варваров, те хотя бы не забыли правил гостеприимства.

Никто из спутников не предлагал этого. Пусть Эгрегий все еще был зол на старшего товарища, но бросить его в чужом краю не мог. Не из практических соображений, не по совести

это было бы. Так бы он только доказал, что злится на Виала не из-за его предательства, а потому что не получил желаемого. Словно ребенок, лишенный печенного в меду яблока.

– Кто-то идет, – вдруг сказал Мустиф.

Он никогда не вмешивался в перебранки этой троицы, старался быть незаметным и тихим. Но заткнуть уши не мог, потому сразу обратил внимания на странный шум.

– Это Поллизтия, тут везде люди, – фыркнул Виал.

– Их много. Шумные. Дети.

– Чем тебе дети не угодили?

Мустиф взглянул на торговца и покачал головой. Объяснять ничего не потребовалось, первый камень в чужестранцев полетел раньше, чем на вершине холма появились дети.

Парень из Кемила мог бы объяснить, что беднота из сельской округи не любит чужаков. Виал это знал и сам, но обычно эта нелюбовь проявляется в молчаливом недовольстве. Чтобы летели камни...

Потому этим занялись дети, пользующиеся своей безнаказанностью.

Их было не больше десятка, но они метали камни с такой скоростью, словно сотня. Камни мелкие, нагретые солнцем и детскими ладошками. Снарядов полно вокруг, они были такими легкими, что могли далеко лететь. Не все находили жертву, но некоторые камни попадали в чужестранцев. Ссадины, небольшие синяки – больше моральный вред, чем настоящий.

Чтобы метнуть снаряд тяжелее, необходимо подойти ближе, а это чревато.

Эгрегий начал браниться, взбежал на холм, собираясь преследовать наглых детей. Те тут же бросились прочь, словно опытные пращники выдерживающие расстояние между собой и врагом.

У них было преимущество в скорости и маневренности. Это их земли, они прятались среди маслин, ныряли в овраги, исчезали из виду, словно туман.

– Эгрегий! – крикнул Виал. – Стой!

Он не боялся, что товарищ настигнет детей. Пока это все игра, пусть жестокая, с неприкрытой ненавистью, но стоит задеть хоть одного ублюдка, так полыхнет весь регион.

– Останови его! – крикнул Виал Хенельге.

Сам он не мог преследовать товарища.

Женщина метнулась на холм, в два прыжка настигла Эгрегия и схватила его. Тот продолжал бранить чумазых ублюдков, но позволил себя увести. Его противники тут же воспользовались ситуацией и вынырнули из укрытий.

Камни продолжали сыпаться на чужестранцев, пришлось им продолжать путь под этим дождем. Слабость Виала, его неспособность идти быстрее, задерживали чужаков. Эти мелкие шавки могли расценить их бег, как трусость. Почуввав кровь, все местные могли бы наброситься на гостей.

Говорить времени не было, да никто и не хотел. Все, кроме Мустифа, были поражены случившимся. А бывший раб мог рассказать, как сам в детстве забавлялся, кидая камни в проплывающие мимо лодки.

К счастью, Эгрегию не пришлось на ум ответить на обстрел. Праща служила ему поясом, слишком туго затянутым, чтобы его сорвать на ходу.

Дети преследовали чужестранцев до полудня, затем куда-то подевались, но вечером все продолжилось. Возможно, это была уже другая группа, ни Виал, ни его спутники не имели желания разбираться.

Пришлось смириться с этим, продолжать путь в компании.

Порой им что-то кричали, забравшиеся на холм подростки делали неприличные жесты, завидев женщину. Хенельга отвечала им тем же, что сбивало нахальных преследователей получше всяких снарядов. К такому они не были готовы.

– Ты держись лучше нас, – подивился Виал.

– Я вдвойне чужак, – ответила Хенельга, – мне проще.

Были и другие причины, в отличие от местных женщин, она отличалась крепостью духа. Порой Виал замечал, что ее душа намного сильнее его собственной. У нее просто нет оправдания чтобы быть слабой, вот и приходится проявлять большую силу. Большую, чем ее спутники.

С закатом безумный дождь из камней прекратился. Детей замело в их хижины, к большей радости путешественников.

Найти места для ночлега не удалось, разжигать огня люди не хотели. Целый день под давлением заставлял их проявлять осторожность. Виала даже не успел омыть ожоги в источнике. Пришлось тратить запасы из фляги.

– Зачем они это делали?! – чуть погодя воскликнул Эгрегий.

– Не знаю, – ответил ему Мустиф.

– Но ты сразу понял, что они намерены делать! Ведь так, не отрицай.

Кемилец кивнул, но объяснять ничего не стал. Что он мог бы сказать? Зачем он сам это делал в детстве? Из страха или из зависти. Жили они не богаче чем дети в Гирции, но и не беднее, так почему же были жестокими к чужестранцам. Объяснения просто нет. Но что в Кемиле, что здесь чужестранцев не любили. Может быть, поэтому дети были к ним так жестоки.

До Тритогении, как очевидно, они не добрались за этот день. Пусть под обстрелом они не глядели по сторонам, но уж не заметить огромный город просто не могли.

Третий рассвет они встретили в дороге. Голод и жажда заставили подняться раньше солнца. К тому же, хотелось пройти как можно больше, прежде чем их заметят местные.

Лишь пастухи со своими стадами составляли им компанию. Не было слышно флейт, песен, козы мекали, выдавая испуг. Какая-то давящая атмосфера, безрадостный туман накрыл эти земли. Подобного путники не ощущали в Виоренте, но там они не покидали приделов города.

Ничего не напоминало о воспетых пасторалях. Оливковые сады походили на костлявых мертвецов, глядящих с пожелтевших террас на чужаков. Тощие козы, чья шерсть не годилась ни на что, провожали гноящимися глазами четверку путешественников. И нигде не было видно людей до самого восхода.

– Жуть, – проговорил Эгрегий. – Совсем не похоже на окрестности Мерзы.

Городок, рядом с которым располагалось поместье его бывшего хозяина, был небогатым, типично провинциальным. Расположенный вдалеке от торговых путей, на второстепенной дороге. Даже там люди были приветливее, жизнерадостнее. Да, бедные, но не обозленные.

– Что с ними не так? – спросил он.

– Понятия не имею, – ответил Виал.

Он бы хотел объяснить спутнику подоплеку, просто чтобы поддержать разговор. Его товарищ впервые нарушил молчание за все это время, обратился к нему с вопросом. Вот только ответить на него Виал не мог.

– Они злы, потому что богаты, – только сказал он.

– Не похожи они на богачей.

– Не сами люди, но эти места. Столько монет тут находится. И не серебро, а золото! Тысячи кораблей, набитых пшеницей, вином, маслом и соусами приходят в Тритогению.

– Так чего они злы?

Виал пожал плечами. Сказал, что это остатки былой роскоши. Обжиравшиеся мясом местные вынуждены были перейти на рыбу, отчего и недовольны. Проще сказать, они жаждут вернуться в золотой век, когда крестьянин Тритогении был богаче патриция из Гирции.

Чужестранцы ожидали, что местные продолжат их приветствовать камнями. Повезло, холмы остались на юге. Тропа сбегала вниз по склону, приближаясь к морю. Теперь она проходила через рыбацкие деревушки, далеко от маслинников и козьих стад.

Небольшая перемена, но многое изменилось. Нет, местные не стали жизнерадостными работягами, что поют и работают одновременно. Виал понимал, отчего эта перемена.

В рыбачьих поселках мужчины сейчас находились в море. Никто бы не смог постоять за жестоких мальцов, решивших поприветствовать чужаков. Женщины работали в огородиках, поглядывая из-за оград на незнакомцев, а детишки прятались от них, смотрели через щели в хижинах.

Подобное вполне устраивало путешественников. Уж лучше холодная неприветливость, чем добрый камень, пущенный тощей рукой.

Останавливаться в поселках никто не пожелал, хотя Виал мог бы выпросить масла для спутников. Достаточно того, что никто не прогонял от колодцев, которые еще не пересохли.

Просить помощи у местных бессмысленно, они нищие. К тому же, впереди уже вырисовывались белые стены Тритогении.

Точнее, то был порт Парнест, что связан тремя стенами с полисом. Эти стены славятся неприступными, хотя их не раз штурмовали. Порт обеспечивал полис пропитанием, позволяя ему выдерживать осады. Но боги всегда были на стороне чужеземных армий: через порт, что обеспечивал зерном, в город проникали болезни.

Так, почти каждая осада оканчивалась гибелью не меньше трети населения. Это и подкосило могущество города. Из флота в триста судов в порту Тритогении теперь базировалось от силы полсотни длинных кораблей. Не наберется достаточно гребцов, чтобы обеспечить больше.

Тритогения так и не смогла приспособиться к реалиям нового времени. Приходилось или терять урожай этого года, или дожидаться зимы, когда появятся свободные руки. Всею виной жесткая политика по отношению к чужакам. За свою долгую историю Тритогения даровала гражданство от силы сотни чужестранцам.

Как бы не желали патриции, но успех обеспечивают простые люди.

Вдоль побережья, минуя высокие скалы путешественники за день добрались до порта. Южная стена поднималась ступеньками на холмы, скрывая от любопытных взглядов сам город. Лишь где-то на западе угадывался мрамор храмов, построенных на акрополе. Или то был обман зрения, жалкое облачко, принявшее образ дома для божества.

Виал тут никогда не бывал, даже на судне не проходил мимо. Ему было так же интересно поглядеть на Тритогению, как и его спутникам. Они продвигались медленно, часто отдыхали. Раны, жара и голод доконали их. Пугала неизвестность, как горожане поступят с чужестранцами, что прибыли не по морю, а по суше.

Могло произойти все, что угодно. Виал не знал нрава местных. Преодолевая испуг, он спросил у Мустифа:

- Твой хозяин не бывал в этом городе?
- Бывал, но без меня, – подумав, ответил кемилец.
- Не можешь ничего о них рассказать?

Но парень рассказал только то, что все и так знали. Город ремесленников, мудрецов и торговцев. Вечный соперник Виорента. О могуществе города, его успехе напоминали только массивные стены и огромный Парнест.

Контрибуции наложенные на Тритогению все еще не были выплачены. Город, его народ платил не только гирцийцам, но и своим соседям, с которых в прошлом взимал «добровольные пожертвования». Эти деньги шли на содержания флота, что в теории защищал всех соседей от пиратов Ладенов, тиринцев и других варваров.

На деле же, военный флот был всего лишь другой формой пиратской армады. Действия его были подкреплены не силой и наглостью, но законом крупнейшего полиса региона.

Какая ирония, что теперь суда из Тритогении сами страдали от пиратов.

Стены остались без охраны, деревянный галереи на них давно не реставрировались. Никто бы не стал их штурмовать, в этом уже нет нужды. Казалось, город затих и медленно умирал.

Это только кажущееся представление, в порту дымили тысячи труб. Над Тритогенией стояло плотное облако сажи: работали мастерские, обжигалась керамика, выплавлялась бронза. А так же готовились снасти, паруса, тараны. Город не умер, но собирал силы перед последним рывком.

У местных был выбор: умереть быстро или умереть медленно. Похоже, что они избрали первый вариант.

Победа в грядущей войне не принесет им выгоды. Золотой век уже не вернуть, но поквитаться с соседями тут явно намерены.

Глава 2

Последнюю ночь вне города путники провели в развалинах насыпи. Брус, что служил подпорками для насыпи не сгнил, а ведь прошло несколько десятилетий. Удалось развести костер, скрывшись от любопытных глаз в одной из ям, что вырыли легионеры.

Это была сеть осадных укреплений, что протянулась вдоль стен Тритогеии и Парнеста. Удивительно, но она сохранилась. Данаи не разрушили ее, не стерли с лица своей земли. Толи хотели оставить напоминание о поражении, толи не хватило средств.

– Приятно соприкоснуться с творением рук сограждан, – сказал Виал, поглаживая стенку рва.

При этом было ощущение, что они оказались среди могил. В этих траншеях могли гибнуть люди – их люди. Чьи жизни столетия назад были заплачены за сегодняшний день. Виал задумался, не случись в то время чумы, проиграй гирцийцы, оказался бы он с товарищами тут?

Если копнуть, то найдутся жало стрелы, чешуйки доспехов, что сохранились с осады. Мальчишки не могли выкопать всего. Под подошвами хрустели обломки керамики. Подняв один из них, Эгрегий заметил следы огня.

Тут должны быть и косточки, эта траншея могла стать чьим-то погребением. Никто не предлагал переместиться.

Огонь уже горел, над огнем подвесили небольшой котелок. Теперь на четверых его будет недостаточно, но Виал полагал, что подобное неудобство придется терпеть всего одну ночь.

Мустиф вообще мог отказаться от совместного приема пищи. Запах готовящейся похлебки заглушил гордость, бывший раб помогал с обустройством лагеря наравне со всеми. И ел потом тоже вместе с людьми, из-за которых его жизнь переменялась.

В котелок пошли остатки сушеной рыбы, собранные в округе коренья и душистые травы. Не хватало зерна, чтобы похлебка получилась сытнее. После голодных дней люди только и мечтали об этом, а коренья полевых цветов мало годились на эту роль.

Утолив голод, грелись у костра, бросая в огонь собранные обломки.

– Думали ли мои предки, что потомку поможет это дерево, – сказал Виал.

Он ни к кому конкретно не обращался, понимал, что только у него возникло особое отношение к траншеям и тем, кто остался в земле. Духов не боялся, ведь это его родичи, пусть не предки, но собратья, которых пригнали сюда ради общего дела.

– Огромные траншеи, – сказал Эгрегий, забравшись на насыпь.

Часть из них обвалилась, часть сохранилась, но змея раскопа тянулась бесконечно, заворачивая за стену. Может, местные не уничтожили траншеи, чтобы они служили препятствием тем, кто решится штурмовать стены?

– Гирцийцы только в этом и мастера, – закончил мысль Эгрегий.

– В чем? Рыть мы умеем, упорные мы, – согласился Виал.

– Да не в рытье канав, вон у этого парня на родине каналы длиннее всех траншей.

Эгрегий указал на Мустифа.

– В разрушении мастера, – объяснил Эгрегий.

Если он и пытался уколоть Виала, то этого не получилось.

Стыдиться тут нечего, кто-то хорош в искусствах, а другой в военном деле. У каждого свои таланты.

– Разве мы виноваты в том, что рождены править другими? – спросил Виал.

– Кто же вам это сказал?

– Да хотя бы Хозяин вод.

Хенельга тут же заинтересовалась, откуда взялось это высказывание. Конечно же, из жреческой среды. Как иначе трактовать приметы, знамения и особые сны.

– Тогда у любого народа найдется подобное высказывание! – посмеялся Эгрегий.

– Да, битва идет не на землях, а в душах. Чьи боги сильнее, те смертные победят.

Товарищ отмахнулся от слов Виала. Пытался уязвить его, напомнить о предательстве, а вместо этого влез в какой-то религиозный спор. Не стоило сомневаться, что Виал намеренно так отвечал, чтобы лишить спорщика аргументов. Опыт, возраст помогают навклеру. Эгрегий решил, до поры молчать. К тому же, не хотел окончательно рассориться с ним, ведь ночью холодно, а греться в объятиях человека, с кем поссорился, выглядит странно.

Разбудил их шум с тропы. Еще до рассвета на дороге появились крестьяне, рабы, колоннами тянущиеся в город. Точнее, в его портовую часть. Как и в Виоренте, здесь не привечали чужаков и рабов.

Шум толпы, назревающие драки, меканье коз. Люди спешили войти в город, расположиться на рынках раньше, чем их соседи. Или найти рынок до полудня, до самой жары.

Путешественники не спешили вылезать из траншеи, припоминая то гостеприимство, что испытали за эти дни. Оставались в яме, как воры, преследуемые собаками.

– Вроде стражи нет, – сказал Эгрегий.

Ему доверили приглядывать за тропой, как самому глазастому.

– Так пойдем? – спросила Хенельга.

Видно было, что ей опротивело сидеть по канавам, прятаться от местных. Хотелось поспать под крышей, смыть с тела грязь и морскую соль. Не привыкла она прятаться, сутками высиживать в грязи, ожидая удобного случая.

Виал оглядел спутников, прикинул, как выглядит сам. Вид у них отвратительный: бродяги. Вряд ли таких пустят в город. Объяснил это товарищам.

– Тогда чего предлагаешь?

– О, вы готовы прислушаться к моим советам! Вижу прогресс!

– Не ерничай, просто скажи.

– Несколько вариантов.

Можно было сунуться в ворота, надеясь на удачу. Такой вариант никого не устроил; все помнили, как их приветствовали в Виоренте. А там они предстали как честные граждане, с деньгами.

– Разделиться? – предложил Эгрегий. – Двое в город, двое тут. Лучшие тряпки оденут и пойдут, купят припасы, договорятся о судне и как-нибудь уберемся отсюда.

– Не хотелось бы разделяться, – покачал головой Виал. – Хоть мы далеко от ворот, но рано или поздно стражи заметят, что тут ночуют бродяги.

– И чего? Разве это запрещено?

– Да, скажешь, что философ, отказавшийся от благ цивилизации. Живешь, как собака и не требуешь ничего от мира! Они поймут, конечно.

– А чего это я? Думаю, лучше тебе остаться. Ты еле ползаешь, старый уже.

– Зато мудрый.

– Вот и сойдешь за мудреца.

Найденных в поле бродяг скорее закуют в кандалы и отправят на север полуострова, добывать серебро. Виал знал, что в Липсидах залежи почти иссякли, но сенат Тритогеии продолжает ссылать преступников. Так избавляются от бесполезных ртов, а заодно получают чутка серебра, а больше – свинца.

– Тут негде скрыться, даже вернись мы на юг, – сказал Виал.

– Что же нас раньше не остановили? Хотели бы, давно в кандалы.

– Тебе мало было тех камней? Крестьяне не любят чужаков, но еще больше боятся городских милитов.

– Воины, точно.

Крестьянам проще расправиться с чужаками и скормить их свиньям, чем просить помощи у городского ополчения. Хуже, если в сельскую округу явятся наемники – с этими уж точно не удастся договориться.

– Что же нам остается? – спросила Хенельга. – Искать обходной путь? На лодке в город пройти проще.

– Да, но где мы лодку возьмем?

– А ты расплатись с рыбаком ваучерами. Вдруг, сработает!

– Ограбить, – сказал Мустиф.

Трое посмотрели на него.

– Забрать деньги, одежду, а тела в море.

– Хм, – Виал поежился, – рискованно.

– Не опаснее того, что вы предлагали раньше.

Виал и сам думал о таком, будь он один, так легко бы пошел по этой тропинке. Есть риск, что родственники или знакомые убитого узнают те тряпки, что позаимствует грабитель, но этот риск невелик. В большом городе не составит труда затеряться.

Да и жертва его вряд ли будет благородных кровей. Никто не вступится за нищего крестьянина.

Но предложить такое товарищам? Виал не мог. Потому он был рад, что это сказал Мустиф. Парень оказался не тихоней размазней.

– Вот так просто убить? – спросил Эгрегий.

– Разве никто из вас не убивал? – удивился Мустиф. – Напомнить, о сорока погибших?

– Это его рук дело! – Эгрегий ткнул пальцем в навклера. – Не вмешивай нас!

– Даже без этого. Скольких вы убили?

Много. Каждый из них спокойно убивал и будет убивать. Это вопрос выживания, так в чем проблема сейчас. Прекрасный повод отомстить местным за теплый прием.

Виал не вмешивался в спор, чтобы не спугнуть удачу. Только в этом решении он видел выход из положения. Рожи у них бородастые, немывтые, язык худо бедно уже подучили. Можно сойти за местных. А в городе удастся подстричься, привести себя в порядок.

Эгрегий продолжал спорить с Мустифом. Видно, что он согласен, но просто не может сдаться без боя. Искал аргументы против, но никак не мог найти. Виал взглянул на Хенельгу, поймал ее взгляд. Женщина кивнула навклеру и украдкой махнула рукой. Она не вмешивалась в спор, ведь тоже понимала, что это единственный выход. Оставалось только убедить Эгрегия, а это не так уж сложно. Он позволит ей уговорить себя.

Плюнув, Эгрегий выпрыгнул из траншеи и расположился чуть в стороне. Хенельга последовала за ним и, после недолгих уговоров, она вернула его.

Все уже было решено, оставалось только подготовиться.

Виал предложил вернуться назад, найти перекресток троп и пойти по одной из них. Там выждать, пока мимо не пройдет пара-тройка крестьян. Без телег, без волов и без иждивенцев. Просто мужчины, возраст не важен.

– Стоит ли далеко отходить от моря? Куда тела девать нам, – возразил Мустиф.

Парень соображал, видать, не в первый раз подобное проворачивал.

– Траншеи, – Виал указал на землю вокруг. – Достаточно прикопать тела. Почва на месте осадного лагеря мягкая.

– Время?

– Полдень.

– Не слишком ли нагло, лучше дождаться сумерек.

– В Кемиле, уж прости, сумеречное время лучше для охоты. Тростник, болота, пальмы и мошкара. А здесь я выберу полдень! Поверь моему опыту.

Эгрегий пристально посмотрел на навклера, но ничего не сказал. Одного этого взгляда было достаточно.

Составив план, они вернулись на тропу и пошли обратно. Замечали недовольные взгляды, слышали шепотки, оскорбления, что бросали им в след. Не как гирцийцам, но как бродягам.

Каждый фут под этим давлением. Товарищи поняли, что Виал поступил правильно «приняв предложение Мустифа». Добыть одежду, вот единственный выход. Выдать себя за жертв кораблекрушения не удастся, плевать данаям на несчастье путешественников.

Теперь эта ненависть стала взаимной. Что и хорошо, в предстоящем деле не место сомнениям.

Дойдя до развилки, путники ушли на запад, направились вглубь полуострова. Тропа шла на подъем, идти стало тяжелее, зато народу было немного. Прошли так, пока солнце не начало давить на голову.

Оливковые деревья тут не росли – ничейная земля возле города. Зато хватало обычных деревьев или кустарников. Виал не знал, что это за ветвистые растения, не мог рассказать о них спутникам. Растения были невысокими, имели мелкие листочки, серебриющиеся снизу, а так же множество колючек. Под корнями этих растений можно было устроиться, если обломать сухие ветви.

Судя по притоптанной траве под кустарниками, многие здесь останавливались.

Расположившись, Виал предложил товарищам передохнуть. Он изложил им свой план. Все, к счастью, согласились следовать распоряжениям навклера. Никто не спорил, в жестокости и убийствах он понимает больше остальных.

Казалось, что у товарищей не осталось сомнений. Убивать всегда тяжело, особенно, если считаешь жертву ни в чем не повинной. Данаи сами настроили против себя гирцийцев, что было только на руку Виалу. Было бы намного тяжелее убедить спутников. В ответственный момент кто-нибудь из них мог бы усомниться в правильности действий.

– Мы должны действовать слаженно, только это нас спасет, – подытожил Виал.

Передохнули, осушили фляги и наскоро перекусили. Хотя последнее, скорее желаемое, чем действительное. Еды давно уже не было. Голод заставлял переступить через протесты совести.

Можно пользоваться даже недостатками, что предоставляет окружение. Виал этим и воспользовался.

Он поднялся первым и заковылял вверх по тропе. Ему предстояло сыграть в предстоящем ключевую роль. На другое навклер все равно не годился, не с этой гниющей ногой.

Его спутники разделились и пошли по холмам, параллельно навклеру. Им не составляло труда идти вровень с ним, хотя пробирались через заросли, камни. Виал еле шел, опирался на импровизированный посох.

Идти пришлось долго, миновали несколько групп крестьян. То одного человека, то парочку других. По разным причинам они не подходили. Товарищи ждали сигнала навклера, а тот продолжал уходить по тропе, не обращая внимания на окрики крестьян и их камни.

Против одинокого бродяги были все. Не только дети приветствовали его камнями. Так даже лучше, своими криками крестьяне заглушали шум осыпающихся камней и треск ломающихся ветвей. Товарищи навклера не могли следовать за ним бесшумно.

Занятые жестоким развлечением данаи не замечали трех других чужаков.

Уже после полудня Виал добрался до высокого дерева, под тенью которого расположились трое данаев. Удивительно, как в округе уцелело это дерево. Среди мелких кустарников, колючих трав оно выделялось высотой и густой кроной. Находилось чуть в стороне от тропы,

что тоже к лучшему. И до стены Тритогеии не так далеко, а значит, тела удастся дотащить до рвов.

Не только гирцийская кровь напоит эту землю.

Такой удачей нельзя не воспользоваться. Хоть Виал и чувствовал себя не в лучшей форме, но этим тоже можно воспользоваться. Рядом шуршали кусты, из-за соседнего камня выглянул Эгрегий. Виал три раза поднял свой посох, что должно было быть сигналом.

По заросшей тропинке навклер направился к дереву. Словно и не заметил, что там находятся местные. Виал тяжело опирался на посох, подволакивал ногу. На левую руку он наматал обрывки окровавленной ткани. Обрубки давно зажили, но ткань он использовал для иных целей.

Седая от пыли борода, спутанные волосы, жалкая тряпка, прикрывающая срам. Мышцы обнажились, с них слез лишний жир. Виал походил на немощного старика, больного бродягу. Такому нигде не рады, такого не воспримут как угрозу.

Выйдя на открытое место, под тень дерева, Виал остановился и громко вздохнул. Словно удивился, увидев трех незнакомцев.

Те лежали на своих котомках, отдыхали и дремали, но шум подползающего бродяги заставил их подняться. Данаи были молоды, по скатанным котомкам можно было сделать вывод, что они направляются в Тритогеию на поиски работы. Похоже, что подросшие сыновья, которых отправили на заработки. Их нескоро хватятся.

Виал вновь вздохнул, забормотал что-то похожее на извинения и повернулся, собираясь уйти. Юноши заулыбались, но в их улыбках не было приветливости. Пусть по заветам Эгиоха положено привечать чужестранцев, путешественников, приглашать их к огню и угощать, но редкий данай следовал наставлению верховного бога.

Юноши были молоды, сильны, с крепкими руками и сильными ногами. Носили они традиционные туники, заколотые бронзовыми пряжками на одном плече. Другое плечо оставалось открытым. В тяжелых сандалиях они могли идти долго, не сбивая ноги.

Поколотить какого-то бродягу для них не составит труда. Один из них схватил чужака, повернул его к себе и прокричал в лицо, что таким уродам не место на их земле.

Виал округлил глаза, замычал, словно в испуге. Его отпустили, ударили под ногу, заставив повалиться на землю. Трое окружили упавшего, собирались наброситься на него. Виал выставил перед собой посох, что вызвало только смех у данаев.

Раздался глухой стук, треск, словно лопнул сосуд. Один из данаев упал, из разбитой головы брызгала кровь. Двое других удивленно уставились на упавшего, того словно гнев Эгиоха поразил.

Парни не успели поразмыслить о промысле бога. Второй камень попал не так удачно – в плечо даная. От этого удара рука юноши отнялась, он застонал, обхватил плечо другой рукой и оглянулся. Успел увидеть фурию, что метнулась на него из кустов.

Схватив юношу за голову, Хенельга вонзила нож ему в обнаженное плечо, лезвие прошло между костей, добралось до сердца. Так и крови будет меньше, туника не испортится, парень померет быстрее. Мучить бедолаг никто не собирался.

Уцелевший собрался было бежать, но лежавший до поры Виал, ударил концом посоха ему в пах, а затем обвил своими ногами согнувшегося противника. Данай упал, рассек бровь о камень, попытался подняться. Виал навалился на него всем весом, заломил руки.

Подоспевшие товарищи помогли расправиться с уцелевшим. Удалось сделать это без лишней крови.

– Как-то легко! – удивился Эгрегий.

Он тяжело дышал, не от напряжения, а от волнения.

– Еще с телами надо разобраться!

Виал попытался встать, но ноги побаливали. Хенельга помогла ему подняться. Их товарищи уже сдергивали туники с убитых. В складках ткани нашлись холщовые мешочки с медными монетами. Зеленые кругляшки были мелкими, разбитыми. Рисунки едва читались.

– Местные, это хорошо, – сказал Виал, рассмотрев добычу.

– Но мало, что нам с этим делать?

– Хватит на одну ночь, а дальше разберемся.

Мустиф уже копался в котомках убитых, Хенельга и Эгрегий оттаскивали тела за дерево. Если кто вдруг и выйдет сюда, то убитых заметит не сразу. Виал заметал следы борьбы. Крови пролилось не так много, но она все же была.

В котомках лежала еда, запасная одежда и личные вещи. Еду тут же разделили и наскоро поели. Скоротечный бой выжал последние силы, а ведь от трупов еще избавляться. Во флягах плескалось кислое вино, смешанное с медом. Отлично, уже пять дней путешественники не едали ничего подобного.

– Сложите амулеты в один кошелек, туда же лампадки и блюда, – распорядился Виал.

– Их же продать можно, – возразил Эгрегий.

– Можно, но вернее всего они станут гвоздями.

– Какими еще гвоздями?

– Теми, которыми нас к кресту привесят. Будем развлекать прохожих!

Они совершили убийство граждан, об этом нельзя забывать.

Личных вещей у убитых было немного. Повальной грамотностью крестьяне не отличались, так что писем не было. Простые амулеты из глины, мешочки с землей или золой из родного дома, да простенькая керамика. Все это поместилось в одном кошелке.

Виал положил мешочек перед собой и несколько раз ударил по нему камнем. Никаких свидетельств.

Он вызвался сторожить трофеи, Хенельга осталась с ним, словно дочь, сопровождающая немощного отца.

– Нам надо будет привести себя в порядок, прежде чем переодеваться, – сказала она.

Виал кивнул. Ближайший источник остался на том перекрестке, с которого они ушли сюда утром.

Мустиф и Эгрегий провозились до вечера, справляясь с телами. Вернулись уставшие, просто кивнули спутникам. Виал не сомневался, что парни сделали все как надо. Напоминание о кресте для разбойников заставило их потрудиться.

Теперь тела убитых лежат в одной из ям, вырытых во время осады. Скрыты от посторонних глаз слоем земли и камней. Лишь голодные псы смогут добраться до убитых, когда почуют запах разлагающейся плоти. Но к тому времени чужестранцы будут уже в городе.

Юноши, что сопровождали Виала, удивились, что не испытывают угрызений совести. Делиться своими переживаниями с товарищами они не стали. А навклер и Хенельга относились к подобному спокойней.

Трофеи сложили в одну котомку, тряпки надевать не стали. Вернулись на тропу, спустились до перекрестка и нашли алтарь с источником. К сумеркам дороги опустели, но люди все еще встречались. В темноте на чужаков никто не обращал внимания – просто какие-то крестьяне приводят себя в порядок, прежде чем войти в город.

Умылись, обработали раны и переоделись. Виал впервые за эти дни испытал облегчение. Кислое вино не только утоляло жажду, но и уняло боль в обожженной стопе. Омыв ожоги, Виал перемотал свежей тканью ногу. Сандалии одного юноши теперь принадлежали ему, хотя идти в них все равно неудобно – завязки тревожили ранения.

– Как мы выглядим? – спросил Виал.

В сумерках детали рассмотреть не удавалось.

– Похожи на местных, – сказал Мустиф.

Со своей темной кожей и пухлыми губами он не походил на даная, но мало ли откуда он мог тут взяться.

– Тогда поступим так, – Виал решил изложить свой план, указал на Эгрегия и Хенельгу, – вы мои родственники, племянник и его жена.

– Маловато тряпья, чтобы изображать из Хенельги замужнюю женщину.

– Мы бережливые люди, – напомнил Виал.

– А кемилец у нищих откуда?

Виал хмыкнул. Да, парня скрыть не удастся, но и бросать его нельзя. До тех пор, пока дороги не разойдутся.

– Все равно, это лучше, чем незамужняя женщина.

– Не стоит нам выдавать себя за данаев, – покачал головой Эгрегий.

– К чужакам будет больше вопросов. Я буду торговцем из Виорента, из окрестностей, с той реки, которую мы проходили, как там ее...

– Теа, – напомнила Хенельга.

– Точно! Тамошних жрецов мы знаем, работали с ними, сюда явились за, скажем, книгами.

План вырисовывался быстро. Виал со слугой явился в город за покупками, но взял родителей, которые желали посмотреть на прославленный город. Почему явились посуху, а не по морю? Шли через Энносигею, где проживают знакомые, решили повидаться с ними. Тратить деньги на судно не стали. Идти до Истима столько же, сколько до Тритогении через горные тропы.

– Звучит правдоподобно, – сказал Эгрегий.

– Лишних деталей не выдумывайте, кто полезет с вопросами – не ваше дело.

– Да, понятно.

– Я ваш патрон, отец семейства, так что за все отвечаю. Общаться будут со мной.

– Язык? Как же твой акцент.

Виал направился к алтарю, выдрал парочку галечных камешков, что украшали источник.

Вложив эти камни в рот, Виал сказал несколько фраз на местном языке. Получилось ужасно, явно у отца семейства с дикцией плохо. Не быть ему оратором, но и за гирцийца он не пройдет.

Пусть внешность чужака будет приметной, но стража на воротах запомнит эту мелочь. Зато пропустит много другого. Не удивится, что путешественники из Виорента прибыли сюда в легких туниках, и среди них есть женщина, чей наряд несколько фривольный. Из ее собственной туники едва удалось сделать подобие плаща, но ноги оставались слишком открытыми.

– Коротковат, – покачал головой Виал.

– Скажем, что обтрепался по дороге, – предложил Эгрегий. – А в городе сразу же купим новый.

– Нет, вообще ничего не будем говорить.

Оружие взяли Эгрегий и Мустиф, Виал повесил на пояс нож. Хенельге же пришлось остаться без оружия, не считая маленького ножа, припрятанного в складках одежды.

Виал объяснил, как Хенельге следует себя вести. Плащ закрывал голову, краем она скрывает лицо. Так вполне можно скрыть внешность, но если кто и обратит внимание, не страшно. Просто племянник небогатого торговца нашел себе женщину из варваров. Такие союзы случаются, хотя редки и порицаемы.

– Мне нужны были связи с варварами на востоке. На север от городов тиринцев проживают племена месов. Тоже бледнокожие и невысокие.

– А если здесь они встретятся? – спросила Хенельга. – Я не могу выдавать себя за неизвестного кого.

– Не встретятся, чужестранцы селятся отдельно. И никто не полезет с расспросами к чужой женщине. Эгрегию достаточно хмурить брови и громко фыркать, поглаживать древко копья. Даст Мефон, прорвемся.

– Вот и славно, скорей бы убраться отсюда.

Все четверо кивнули.

В отличие от Виорента, в Тритогегию пускали людей и после заката. Стража на воротах была, но не слишком придирчива. Не возникло проблем, что гости направлялись в порт, а не в сам полис.

В стене были небольшие ворота, через которые может пройти двухколесная телега. Но по южной тропе редко ходил гужевой транспорт, потому одна створка ворот была закрыта. Гостей пропускали, досматривали и взимали пошлину десятков стражей.

Не было таких сложностей, как в Виоренте. Таможенник сам записывал входящих, сам же принимал от них деньги, которые тут же ссыпал в керамический сосуд. Раньше это был сосуд из-под масла, расколовшийся, а теперь отремонтированный свинцовой полосой. Для хранения монет вполне достаточно.

П-образные ворота были невысокими, при желании можно дотянуться до свода. Ни бойниц, ни смотровых решеток. Сам проход был в три фута, чуть больше чем стена, но на два фута меньше надвратных башенок.

На четверку необычных гостей, конечно, обратили внимание, но не задавали вопросов. Пошлину с них взяли большую, чем с крестьян, ведь Виал был неместным. Его кольцо вполне сгодилось за свидетельство того, что он свободный гражданин. Таможенник не знал, как выглядят кольца свободных граждан Виорента, а уж тем более городка на западе от этого полиса.

Трофейный кошелек заметно похудел, но в нем еще остались медяшки, которых хватило на комнатку в дешевой гостинице. Два соломенных тюфяка на полу, ставни с щелями, закрывающие узкое окошко. Внутри никакой мебели.

Уже стемнело, так что путешественники не смогли познакомиться с портом Тритогегии. Решили оставить это до утра, когда голодный живот заставит их продумать дальнейшие действия.

Чтобы позавтракать, денег не осталось; комнату пора было освободить, но четверо чужестранцев решили держать совет именно здесь.

– Пока есть возможность отдохнуть, воспользуемся ей, – объяснил Виал.

С ним все согласились, возможно, придется ночевать на улице, в незнакомом городе. Было бы хорошо, если бы о них забыли до самого вечера.

– Что мы можем предпринять?

– Продать оружие? – предложил Эгрегий, показав взятый с корабля меч.

Оружие было завернуто в лоскут ткани, потемневший от влаги и грязи. Сам меч не имел повреждений, ржавчина не успела на нем появиться. Но это лишь вопрос времени. У Виала с собой не было инструментов, чтобы держать оружие в порядке.

– Я бы предпочел избавиться от него по-тихому, – Виал почесал подбородок, – сменить рукоять, может.

– И где же ты это сможешь сделать? Избавимся так.

– Слишком уж... ну ты понял.

– Приметно? – Эгрегий кивнул. – Так мы жертвы кораблекрушения. Я ведь прав, Мустиф?

Кемилец кивнул. Его лицо не изменилось. Виал не первый раз ловит себя на мысли, что парень не позволяет читать свои эмоции.

– Хоть десяток серебром получим, – сказал Эгрегий.

– Если не меньше, – вздохнул Виал. – Выбора нет.

Замечание не понравилось товарищам. Лишь Мустиф сохранял невозмутимость, но о нем еще предстояло поговорить.

Взятых трофеев слишком мало, чтобы не привлекая к себе внимания вернуться домой. Вырученных средств едва хватит, чтобы прокормиться в крупном городе.

Продать меч – лучший из возможных вариантов. Удастся купить приличную одежду, привести себя в порядок. Еще останется несколько монет на пару ночей под крышей. Документы из храма у Виала остались, но он откровенно сказал, что с ними возникнут проблемы.

– Я могу попробовать, но сомневаюсь, что получится.

– Почему так плохо? – спросил Эгрегий. – Мы продолжим притворяться местными? Думаю, это глупо.

– Правильно думаешь.

Виал объяснил, что вчера им просто повезло пройти через ворота, не привлекая к себе внимание. При свете дня им не удастся провернуть такой же трюк. На чужестранцев не очень-то обращают внимания в толпе, но в храмах и магазинах начнут задавать вопросы.

– Придется искать работу, – посмеялся Эгрегий. – А ты умеешь что-нибудь делать?! Кроме того, чтоб пробивать головы.

– Я корабельщик, но в порту... к тому же в таком порту, мои услуги не шибко востребованы.

– Наняться охранниками? – предложила Хенельга.

– Да, данаи не откажутся взять на корабль варваров, вроде нас.

– Но?

– Мы потеряем месяц, а я не могу позволить себе столько.

Эгрегий фыркнул, как будто какие-то догадки навклера столь важны. Он не видел нужды торопиться, все равно слушать простого торговца не станут. Вслух он этого не сказал, не зная, как на это отреагирует Мустиф. Про подозрения навклера он не знал, хотя мог догадываться.

– В порту всегда нужны руки, могу заработать пару монет, – предложил Эгрегий.

– Да, пока я пытаюсь сбыть эту железку.

Они кивнули друг другу, синхронно посмотрели на Хенельгу. В помещении женщина могла вести себя так, как ей удобно. Плащ она использовала как подстилку, сидела сейчас в одной тунике. А на улице ей не удастся так откровенно себя вести.

В помещении она тоже не могла остаться.

– Я могу о себе позаботиться, – нахмурилась Хенельга.

– Да мы не сомневаемся, но враждовать с местными не больно хочется.

– Могу пойти в порт с тобой. Как варвар...

– Не вариант, – покачал головой Виал. – В этом городе порядки не такие строгие, как в Виоренте. Однако, ты видела реакцию местных. Придется тебе идти со мной, оставляя тебя одну – нельзя.

Виал отмел все возражения, попросил женщину на время позабыть о гордости и позволить им самим решать ее судьбу. Иначе в этих землях нельзя, слишком велик риск.

Что именно за риск, Виал не объяснил.

Осталось разобраться с Мустифом. Прокормить еще одного спутника Виал не мог, да и не понятно, чего парень намеревается делать. Положиться на него нельзя, навыки его тоже никому не нужны.

Как толмач или слуга в их компанию он не очень вписывался. Прогнать его тоже не выйдет, по большей части из-за того вреда, что он может причинить. Потому Виал просто спросил, что парень намеревается делать.

У него ведь могли быть свои планы. Что заметно бы облегчило жизнь всем остальным.

– Безопаснее всего оставаться с вами, – ответил Мустиф.

Виал кивнул, хотя и без особой радости. Парня он не боялся, но опасался того, что он может устроить.

Была бы в городе община кемилцев, так все стало бы проще. Его бы удалось сдать на поруки землякам, Мустиф бы не отказался оказаться среди знакомых. Но люди из Кемила не слишком склонны к путешествиям, потому в городах нет районов, где они проживают. Не считая отдельных семейств, по большей части потомков рабов или изгнанников.

Общиной это не назовешь.

Вот с тиринцами проще. Где бы они не оказались, так сразу же сколачивают организацию с четкой иерархией. С ними приятно иметь дело, хотя и тяжело порой.

– Я могу помочь Эгрегию в порту, – предложил Мустиф, заметив колебания навклера.

– Было бы чудесно. Два варвара уже лучше, чем один. Так нас с оплатой не кинут.

Эгрегий хлопнул кемилца по плечу. Толи чтобы поддержать, толи проверяя крепость его мышц. Парень не очень-то походил на привычного к работе человека. На корабле ему редко приходилось заниматься тяжелым трудом.

Гостиницу покинули незаметно, благо на первом этаже уже собрался народ. Виал объяснил, что будет ждать товарищей в развалинах дома рядом с гостиницей, и сказал, что делать, если им не удастся встретиться. Там же спрятали оружие, завалив его мусором.

– Может и такое произойти? – удивился Эгрегий.

– Мы в чужом городе, так что все возможно.

Товарищу он передал несколько ваучеров, накарябал записку. В случае чего, пусть ищет гирицев, просит помощи.

В Тритоении не так много гостей с запада, но они должны быть. В этом крупном городе можно найти представителей всех народов.

Разошлись, Хенельга засемила за Виалом, стараясь имитировать походку местных женщин. У нее даже получалось, хотя ее наряд выглядел слишком приметно. Оружие, завернутое в тряпье, тоже привлекало внимание, но никто не пытался остановить чужестранца и потребовать объяснений.

Намного проще народ, чем в Виоренте. Дышится даже легко.

Возможно, первое впечатление было ошибочным. Не зря же Тритоения славится городом мудрецов, театров и художников. Ремесленники тут тоже в почете, ведь покровительница города, в честь которой он назван, сама умелая ткачиха.

Но это порт, по сути, другой город, поглощенный более крупным соседом. А это накладывает отпечаток на местных. Как отличаются крестьяне от граждан города, так и жители порта отличаются от них.

Эгрегий с Мустифом направились в гавань, чтобы среди докеров найти работу на день. Складские помещения занимали огромную территорию, а рук там никогда не хватает. Молодые мужчины легко найдут работу, никто не станет задавать вопросов, что только во благо.

Глава 3

Гавань была огромной, как и в прочих городах, разделенная на две части. Военная гавань находилась на севере, за мысом. Проход в нее закрыт. Крепость, что защищала гавань возвышалась на мысу, защитники с нее могли простреливать и южную, и северную часть.

Между бойницами блестели бронзовые накладки на рамах орудий. Их не стали убирать в чехлы, чтобы всякий прибывший в город, мог наблюдать ужасные машины.

Торговая гавань, занявшая русло реки в южной части города, почти не имела укреплений. Если не считать небольшой стены с чередой башенок. В случае войны, все строения бросались, а люди уходили в верхний город. Настоящие люди, а не какие-то рабы или чужестранцы.

Снабжение осажденного города должно вестись через военную гавань, так что в гражданской был настоящий хаос.

Улицы замусорены, брусчатка местами вспучилась или ее не было вовсе. Видать, местные вынимали камни, чтобы строить свои дома. Строения были серыми, не имели побелки и уж точно никаких украшений. Не считая тряпок, вывешенных сушиться, да редких горшков с цветами.

Почти все жилые дома были двух, трехэтажными. Первые этажи из кирпича или камня, а вторые – деревянные балки, а стены из плетня. Слово крестьянские домишки вдруг забравшиеся на каменные пупы. Стены никто не трудился замазывать, сквозь щели в домах можно было подглядывать за жизнью горожан. Если кому-то интересно глазеть на грязных и нищих жильцов.

Пара фонтанов снабжали эту часть города водой. Там круглые сутки толпился народ, громоздились кучи битой керамики. Воды не хватало на всех. Многим приходилось пить собранную дождевую воду, если не что похуже.

Эгрегий не удивился, увидев на улице сотни нищих, среди них десятки калек, а так же мертвецов. Трупы убирала только тогда, когда они уже начинали гнить. Обычно этим занимались владельцы ближайшего дома, которым уже не вмоготу терпеть вонь.

Общественные рабы были, они даже где-то работали, но явно не в этой части порта.

Еще больше было карманников, но они были такими слабыми, что предпочитали нагло хватать пояса встречных – вдруг, что удастся сорвать. Если одного из них побьют, так другие успеют скрыться с добычей.

Прямо как вороны, вырывающие добычу у орла.

Клейменные ходили не скрываясь, бросаясь на горожан, в поисках добычи. Калеки хватали прохожих за одежду, тянули на себя и тыкали своими обрубками.

Чужестранцам приходилось постараться, чтобы спасти свои вещи. Эгрегий и Мустиф выбирали дорогу так, чтобы между ними и ворьем всегда оказывался кто-нибудь другой. Но даже с такими хитростями совсем незамеченными не удалось пройти.

Обломки керамики хрустели под подошвами сандалий, идти босиком тут просто опасно. Эгрегий на мгновение подумал, что Виалу будет тяжело – с его-то раненой ногой, но быстро отгнал эти мысли. Мустиф поспевал за ним, казалось, ничуть не испытывал неудобств от того, что его толкают, задевают, а ушей доносится какофония звуков.

Тысячи народов, сотни языков. Никто не трудился говорить на языке данаев, вскоре от гула начала болеть голова.

О яркости Виорента или его городов спутников, не напоминало ничего. Эгрегий ожидал увидеть богатый, цветущий город, но оказался в каких-то трущобах.

Даже поблизости от пирсов впечатления не улучшились. У причалов столпились сотни судов, если не больше. Кое-что Эгрегий уже понимал в торговом ремесле, так что смог отличить пузатые тиринские корабли от чуть более стройных и хищных кораблей данаев.

Отличались они не только формой, но и цветами. Тиринцы предпочитали синий цвет, а глаза их кораблей подчеркивала жирная линия туши. Ахтерштевни украшены головами лебедей или иных птиц, а корабли данаев несли образы морских коней – хвосты или конские головы. Узорная резьба подчеркивала уключины. Корабли блестели от позолоты и серебряных украшений, не каждый дом богача так сверкает, как эти корабли.

Тиринские корабли столпились в самой южной части гавани. Видать, это не лучшее место для стоянки. Вода из реки, в устье которой устроена гавань, выносила весь городской мусор именно в это место.

К городской вони прибавилась вонь сточных вод. Поверхность была черной от грязи, мусора и иных веществ. Но среди всего этого начал пробиваться смоляной дух, испускаемый кораблями. Приятней вдыхать запах старого корабля, чем старого города.

– Лучше пойти на юг, – сказал Мустиф.

Эгрегий не сразу услышал его голос, легко теряемый в гомоне толпы.

– Думаешь, тиринцы будут щедрее?

– Нет. Но они честно платят за труд.

Уверенность в голосе кемильца, заставила Эгрегия прислушаться к его совету. Сам-то он склонялся к тому, чтобы найти работу среди данаев. Это все-таки цивилизованные люди, а не восточные варвары. Но за последнее время это впечатление изменилось.

К тому же, за все время Эгрегий ни разу не имел проблем с тиринцами. Не считая мелких стычек, которых вполне можно было избежать.

Пожав плечами, парень направился в южную часть гавани. Пространство немного расчищалось, посторонний люд сюда забредал редко. Мусора вокруг меньше не стало, тиринцы не считали своим долгом очищать пирсы Парнеста. Их и так обложили огромными пошлинами.

Поблизости была таверна, где собирались моряки. Но наниматься на судно парни не собирались. Им требовалась быстрая работа, а ее можно получить только у портовой команды.

К счастью, корабли тиринцев обслуживали различные иноземцы. Данаи не унижались до того, чтобы таскать грузы каких-то варваров.

В порту погрузка и разгрузка шла всегда, лишние руки требовались всем. Так что чужаков прогонять не стали. Эгрегий узнал у работающих варваров, где они могут подзаработать несколько монет. Идти далеко не пришлось, эти же варвары и наняли парней. Благо они бегло говорили на тиринском. Мустиф знал этот язык хорошо, так что общался с докерами.

– Десять медяков каждому, – ответил бригадир.

Мустиф перевел спутнику.

Эгрегий не знал нормальная ли это плата, не додумался спросить у старшего товарища. Он взглянул на Мустифа, а тот просто кивнул.

– Только учтите, мальчики, – предупредил бригадир, – уйдете до заката, ничего не получите. И бездельничать не получится.

Возможно, он сомневался в способностях парней. Выглядели они не слишком крепкими, заметно выделялись на фоне плечистых и приземистых грузчиков. Эгрегию они чем-то напомнили резчиков, только слишком обгоревшие на солнце. Какого они племени, спросить не удалось. Вокруг стояло множество паллет, в которых были закреплены амфоры с маслом. Эти тяжеленные сосуды приходилось вчетвером затаскивать на корабль, ставить в положенном месте.

Эгрегий не понимал почему паллеты ставятся в те или иные места, да и не было у него времени задуматься. Черный как смоль корабельщик указывал куда заносить груз и ставил

пометки в восковой табличке. На палубе имелись какие-то обозначения, нечто похожее ставилось на паллету.

От правильности загрузки зависит остойчивость судна, так что купец лично проверяет груз, составляет схему его расположения на судне. Порой загружают корабль булыжниками для балласта или компенсации крена. Все зависит от конкретного судна и груза.

Виал как-то объяснял общие правила погрузки, но Эгрегий пропустил это мимо ушей. Зато теперь на собственной шкуре изучал торговое ремесло. Право же, за столом да с вином эти знания приобретались легче.

Работали без отдыха, загрузили сначала один корабль, затем другой. Рвали жилы до полного изнеможения. Эгрегию было чуть легче, но даже он к концу дня стал сдавать. Сказывалась еще нехватка воды, тех запасов, что они принесли с собой, едва хватило до полудня.

Перерыв пришлось тратить на то, чтобы подняться в город, пробиться к фонтану. Не обошлось без драки, пока Эгрегий убеждал горожан пропустить его вне очереди, Мустиф наполнял бурдюки водой. Заодно облегчал боль в ладонях.

И все ради двадцати медяков, но пришлось вернуться. Не бросать же дело на полпути. Это вопрос принципа, нельзя отступать, когда сталкиваешься с трудностями. Хотя Мустиф наверняка поспорил бы, но бросать товарища не стал.

Так и работали до захода. От усталости они уже не могли никуда идти, хотя докеры предлагали парням проследовать в таверну, где бы их угостили. И не только – один рабочий показал Мустифу понятный ему жест, сведя указательный и большой пальцы. Парень улыбнулся, но покачал головой. Так зарабатывать он не собирался.

Даже дармовая выпивка не особенно заинтересовала парней. Или страх того, что эти жалкие медяки тут же утонут в кружках с разбавленным вином.

Опираясь друг на друга, парни вернулись туда, где условились встретиться с Виалом и Хенельгой.

Расположившись на камнях, парни отдыхали, наслаждаясь теплом. Солнце прогрело руины.

– Сейчас бы в баню сходить, – промурлыкал Эгрегий.

– Здесь это не получится.

– Почему? Слишком дорого?

– Данаи не пускают чужеземцев.

– Какая глупость! Зачем терять доход. А если нагряться в квартал варваров? Тех же тиринцев.

– Этого я не знаю, могут и пустить, а могут потребовать особой платы.

Эгрегий засмеялся, с него такой платы точно никто не возьмет. Пусть он молод, строен, но его внешний вид не укладывается в общественные нормы красоты. Мустифу в этом плане повезло больше, так что зарабатывать деньги ему легче.

– Что же ты отказался от предложения докеров?

Если он полагал, что смутит кемильца, то не угадал. Мустиф ответил:

– Ты бы отдал золото за керамическое блюдо?

– Нет, но ситуации могут быть разными. Иногда золото дешевле, чем кажется.

Мустиф кивнул, но их ситуация не походит на эту.

– Тогда так, – объяснил он, – продавшись раз, я заработаю денег, но утрачу даже ту толику прав, что имею. Твой господин наверняка воспользуется этим.

– Виал мне не господин.

Но про себя Эгрегий согласился. Его товарищ наверняка тут же избавится от парня, сдав его в публичный дом, откуда он уже не вырвется. Это не жестокость, как может показаться, а обычная практичность.

Виал долго не возвращался, Эгрегий уже начал волноваться и собирался идти их искать. Больше он беспокоился за Хенельгу, к которой этот город враждебнее. Старший товарищ всегда сможет выкрутиться, если его не проткнут железом в темном переулке. О своей подруге Эгрегий не мог сказать такого.

Страшно представить, как город данаев может изломать их всех.словно прибором, размалывающий гальку на берегу.

К счастью, Виал с Хенельгой все же появились. Пусть и пришли намного позже захода.

Эгрегий поднялся и заметил, что торговец идет без свертка. Значит, от меча ему удалось избавиться. Но выглядели они не лучше, чем Мустиф с Эгрегием.

– Чего это вы, словно целый день амфоры таскали? – спросил Эгрегий, обняв подругу.

– Меня этот город сводит с ума! – Виал рухнул на камни.

Из мешка он достал кувшинчик вина и отпил из него, а затем передал Эгрегию. Вино пошло по кругу, каждый делал по глотку и передавал соседу.

– Да, этого нам не хватало весь день, – сказал Эгрегий.

Только после глотка вина он понял, как хочет пить. Вода из общественного фонтана не могла утолить жажду, а вино, пусть разбавленное, насыщало тело и утоляло жажду.

– Я знал, что вам это потребуется, – Виал улыбнулся. – Как успехи?

– Двадцатка. Ерунда полная.

– На большее нам рассчитывать не стоит. Эти монеты нам пригодятся.

– За меч ты вырубил больше, – Эгрегий покачал головой.

– Вот это как раз не так.

Виал рассказал, что со свертком пришлось долго бродить по рынку. Сначала он обратился к торговцам оружия, что логично, но те ни в какую не хотели покупать меч. Словно догадывались, что оружие взято «незаконно». Или просто не хотели поощрять чужестранцев.

– Если бы местный притащил чужой меч, так точно бы купили! – ругался Виал.

– Нам даже еды не хотели продавать, – сказала Хенельга.

Она измучилась, весь день прохаживая в этом плаще. На улице слишком жарко, но с непокрытой головой на нее обращают внимание. Она не хотела мешать Виалу, так что терпела неудобства, но даже так на нее поглядывали – обнаженные голени приковывали взгляды мужчин.

– Никто хоть не лез? – хмуро спросил Эгрегий, сжав кулаки.

– Нет, только попрошайки. Пришлось парочку успокоить, а потом убежать.

Виал хихикнул и продолжил:

– Убежали с рынка, ну, направились в район тиринцев. Там уже удалось найти человека, кому эта железка приглянулась.

– Тиринцы, да-а. Сколько хоть?

– Сотня медяков. Неплохой улов для этого города.

В родном городе они могли бы продать меч за большую сумму, но тут и сотня была в радость. Впрочем, от этого все четверо понурили голову.

– Мы застряли? – спросил Эгрегий.

– Боюсь, что да. А как вы? Ну, кроме двадцатки вашей.

Эгрегий рассказал, хотя чего тут? Целый день таскали груз, занозы на руках и ногах, кровавые мозоли, одежда совсем истрепалась. Мустиф сачковал, не перетруждался, но Эгрегий упомянул об этом без злобы, просто как забавный момент. Им четверым так нужен был повод для смеха.

После покупок их общий капитал составил чуть меньше сотни монет.

– Крыша над головой будет, – подытожил Виал.

– А стоит ли?

– Стоит. Без сил мы ни на что не годны, отдых нужен. Завтра купим одежду, приведем себя в порядок и пойдем искать корабль. Хоть до Виорента, там нашего брата проще найти.

– А если использовать ту ткань, что вы мне купили? – спросила Хенельга.

Эгрегий удивленно уставился на нее. Считалось, что она не должна об этом знать, но как бы удалось скрыть это от ее взгляда.

– Не стоит. Ткань слишком ценная, приметная будешь. И ее проще продать. Среди нас не так много мастериц. Оставим на будущее.

– Если нужны деньги, – предложил Мустиф, – я могу попробовать переводчиком устроиться, составлять письма.

Виал захотел подшутить, но вовремя сдержался. Решил парню объяснить все мягче:

– Данаи не станут просить помощи у варвара. Для составления писем и прошений у них достаточно своих грамматиков.

– Корабль-то найдем? – спросил Эгрегий.

Виал пожал плечами. Его товарищи, пока работали в порту не видели ни один гирцийский корабль. Не зря эти воды остаются негостеприимными для них. Виалу пришлось признать, что его намерение найти проливы бесполезно. Пока здесь не обоснуются купцы из Гирции, никто не отправится дальше.

– Но ты хоть узнал, что собирался? – спросил Эгрегий.

Он намекал на участие Тритоении в подготовке к войне.

– Да где мне, на порог таберн даже не пускали.

– В порту нас не прогоняли, – возразил Мустиф.

– То были тиринцы.

Разбираться с этим решили уже по утрам. Для начала нашли дешевую гостиницу, где опять четвером разместились. Без такого комфорта, как днем ранее, но деньги надо экономить. Теперь уже не было ничего такого, что можно продать. Кроме самих себя.

Мустиф и Эгрегий не могли работать. Хотя они старались не подавать виду, говорили, что отправятся в порт, но Виал запретил им. Все равно подбирать одежду проще вместе.

Парни вздохнули с облегчением, услышав это предложение. Даже не скрывались.

Купить тряпки удалось только у тиринцев. Ткани самые простые, но соответствующие местным представлениям о приличном. У брадобрея по соседству привели себя в порядок, смыв грязь и убрав лишние волосы. Бани не хватало, но в портовом районе запахи не особенно тревожат горожан. Все так пахнут.

Мужчины взяли себе простые туники из грубой шерсти и плащи. К тем вещам, что у них были, этого вполне достаточно. Для Хенельги подобрали одежды лучше. Среди данаев принято украшать своих женщин, которые своим видом славят богатство семейства.

Богатыми путешественники не могли бы себя назвать. Потому купили опрятную и хорошую одежду. Женщина была благодарна, получив длинную столу из тонкой ткани. В ней не так жарко и она скрывает фигуру. Кушак из цветной ткани поддерживал грудь, а так же в нем можно было спрятать ценности и оружие. Плащ, которым она покрывала теперь голову был простым, закреплялся простой фибулой.

Оглядев Хенельгу, мужчины остались довольны. В родном доме она редко носила типичные для женщин тряпки. Оказывается, они были ей к лицу.

Старые вещи выбрасывать не стали, наверняка еще пригодятся.

После всего этого в запасе оставалось пять десятков монет с лишним. Спрятавшись под навесом ближайшей лавки, Виал сказал спутникам, что на это они могут еще пол месяца жить. С едой возникнут проблемы, но что поделать.

– Пока предлагаю, вам троим отправиться в порт, найти подходящее судно.

– А ты что будешь делать? Опять плести интриги, разнохивать сплетни?

– Найду человека, что составит письмо в коллегию.

– Зачем?! Потратишь деньги, а Мустиф сам может написать.

Мустиф кивнул, подтверждая слова Эгрегия.

– Написать может. Написать могу и я, – возразил Виал, – но переслать письмо на запад, сможем?

– А тут что, есть такая возможность? – удивился Эгрегий.

Пришлось объяснить, что пересылкой займутся служители храма Энносигея. Самый надежный способ, если разобраться. Подобные храмы есть и в Гирции, так что письмо без проблем дойдет до отеческих земель.

В самом Циралисе подобного храма нет, но из ближайшего города его доставят с помощью курьера. Это не так дорого стоит, но все же из общего котла Виал отнял три десятка.

Ближайшим городом, где был храм Энносигея, являлся Дирахий.

– Разве это не рискованно? – спросила Хенельга.

– Письмо может вообще не дойти. Его тут же могут выбросить, – признался Виал. – Но послать его я обязан.

О чем будет послание он не уточнил, но сам для себя решил не упоминать ничего откровенно. Наверняка эти письма просматриваются, так что писать откровенно: «Тритогения и Виорент готовят флот», неразумно.

И никто не поверит этому посланию. Виал не имеет официальных регалий, он просто торговец. А значит, должен поступать так, как торговец.

Он может предупредить коллегию о предстоящих проблемах на востоке. И он это сделает. А руководители организации смогут прочесть между строк, что хотел передать навклер.

Это сообщение наверняка не единственное, которое ищет путь на запад. Таких писем, отчетов, слухов сотни. Еще одно послание может быть и бесполезно, а может – перевесит весы в сторону гирцийцев. Рисковать Виал не хотел, зная, как на войне важны данные разведки.

Отправляясь в храм, навклер мысленно составлял текст сообщения. Писать это сообщение будет храмовый служка. Ведь если передать ему запечатанную табличку, то ее наверняка прочтут, заинтересуются тем, кто отправитель. Могут найти скрытый умысел в письме.

Не скрывая текста, Виал полагал, что сможет уберечься от внимания фрументариев данаев.

Храм Энносигея располагался далеко от порта, что могло показаться странным, если не знать историю города.

В прошлом боги боролись за право царствования в Тритогении. Мерились силами, могуществом, влиянием, всей той ерундой, которой гордились. После осталось только два божества – Энносигей и Тритогения. Кто одержал победу в соревновании, теперь очевидно.

Но Царя черновласого в городе не забыли. Его почитали, боялись, посвящали богатые дары в его храмы. Не для того, чтобы заручиться поддержкой морского владыки, а чтобы он на мгновение забыл об унижении, что постигло его.

Храмы Энносигея были богатыми, величественными, но стояли в стороне от общественных сооружений. Не было их и на акрополе, где теперь царствовала Тритогения.

Зато через служителей этого храма проще всего отправлять послания. И, Виал мог на это рассчитывать, жрецы не особенно лояльны к горожанам, проще смотрят на чужеземцев.

В переулке за высохшим руслом ручья, располагался большой, как всегда приплюснутый храм. Восемь колон в два ряда поддерживали его портик, не имеющий украшений. Стена вокруг священного места была невысокой, но отделяла квартал от храмового строения.

Внутри столпился народ, довольно много людей, очевидно, приезжих. Гирцийцев или других варваров среди них не было, но никто не взглянул на Виала. В своем наряде и с бородой он теперь почти не отличался от даная. Просто сын какого-то далекого племени, может с юга Аретии.

Храмовый служка, сидевший у стола с писчими принадлежностями, поприветствовал гостя и спросил, что ему нужно. Виал не стал скрываться, назвал свое настоящее имя и откуда родом. Казалось, что упоминание о Гирции ничуть не удивило служителя.

Прислужник составил письмо – гирцийским он владел, – взял плату с чужестранца и предупредил, что послание может идти месяц.

– Я знаю, тут ничего срочного, просто отчет о путешествии, – сказал Виал.

Все тридцать медяков ушли. Неприятно чувствовать пустоту в кошельке. Зато теперь карманники не так страшны. Кроме небольшого ножа, да крепкого ремня у Виала не было никаких богатств.

Он решил пройтись по кварталам, стараясь держаться крупных улочек. Рассчитывал встретить собратьев или иных варваров, что могут по пути зайти в Гирцию.

Все чужестранцы будут держаться главных улиц, стараться ходить толпой. На одинокого иноземца поглядывали с любопытством, обменивались недобрými комментариями. Виал старался не реагировать на слова, притворился, что не знает языка.

На грязных улочках легко заплутать. Тритогения недавно перестраивалась, но это словно не отразилось на ее планировке. Кривые улочки, перепады высот и дома, ушедшие в грязь.

Лишь храмы сверкали свежей побелкой, отличались яркими красками. Но местами эти украшения отвалились, обнажив кирпичную кладку. Старые храмы есть только на акрополе, а тут уже строили по признанной технологии, что пришла из Гирции – кирпич, цемент, арки.

Колонны возводились из кирпичей, обмазывались веществом, в состав которого входит мраморная крошка. Так из дешевого материала делали видимость дорогого. Мрамор не для порта, тут повсеместно строили из кирпича, а верхние этажи из дерева и плетня.

Питейные и харчевни не имели украшений. Порт Тритогении не пытались украшать так, как это делали в Виоренте. Ведь все дела делаются наверху, туда, куда чужестранцам путь заказан. Если их не пригласят в гости богатые горожане.

Так отсеивается чернь и мелкие торговцы, вроде Виала.

Но и богатым гражданам той же Гирции сложно получить приглашение. Сейчас в Тритогении могло находиться не больше ста сограждан Виала. Добраться до них не получится, хотя их помощь навклеру точно бы пригодилась. Сограждане не бросят его в беде, помогут деньгами или влиянием. Не принято в Гирции закрывать двери перед нуждающимися согражданами. У магистратов до сих пор сохранился обычай оставлять двери дома открытыми и днем, и ночью. Вдруг кому из граждан потребуется помощь, защита влиятельного человека.

Да не добраться до них в чужом краю.

Не было подходящих чужестранцев и среди уличной толпы. Встречались группки тиринцев, которые пробираются во все земли, до которых могут долететь их корабли. Татуированные пираты из Темина, с юга Аретии. Были варвары с севера: какие-то фризийские дикари в кожаных штанах и смешных шапках – это наемники, что охраняют покой данаев.

Никого, кто мог бы взять на борт четверых путешественников или хотя бы доставить секретное послание.

Оставалось надеяться на то, что спутникам в порту повезет больше.

День в порту был долгим; трем чужестранцам пришлось ходить от корабля к кораблю, спрашивать о пункте назначения. Данаи с чужаками не желали разговаривать, приходилось путешественникам дожидаться, пока кто-либо из корабельной команды освободится и обратит на просителей внимание.

С тиринцами было проще – они охотно разговаривали с гирцийцами, но говорили все на отвлеченные темы. Пока дождешься, когда удастся задать вопрос, пройдет чуть ли не час. Все равно, что ждать у корабля данаев, пока его разгрузят.

В итоге ни те, ни другие не собирались направляться на запад. Было несколько тиринцев, что отправлялись в Хомбат. Можно место на борту получить, но, во-первых, уходили они не раньше, чем через два дня. Тут был какой-то их праздник, запрещающий всякую деятельность.

– Интересно, а в море они тоже ничего не делают, – прокомментировал Эгрегий, когда с товарищами они ушли от тиринского корабля.

– Не делают, – сказал Мустиф, знакомый с обычаями восточных купцов. – Стараются выбирать дорогу так, чтобы пристать к берегу на шестой день плавания.

Подумав, Эгрегий решил, что это разумно. Все равно идешь вдоль берегов, вынужден делать остановки, чтобы пополнить припасы и набрать воды. Команде нужен отдых. А чтобы команда не пьянствовала, моряки не поубивали друг друга – пусть лучше славят богов.

Во-вторых, Виал предупреждал, что с западным городом тиринцев возможен конфликт. Так что гирцийцам лучше туда не соваться.

Но эти два судна все-таки давали надежду. Это была возможность выбраться из города за умеренную плату.

Полуостров, сам город, в котором они оказались, вызывали напряжение. Тягостное впечатление от грязного, замусоренного и неприветливого города настраивало на мрачные мысли.

Эгрегий хотел убраться отсюда, и чем быстрее, тем лучше. Даже вернуться в Виорент было не так уж плохо. Но, к сожалению, решает Виал, по вине которого они четверо тут оказались. Без денег, без связей, без корабля и надежной команды.

Вернувшись к облюбованным развалинам, Эгрегий сказал товарищам:

– Что ж, будем иметь эти корабли на примете.

– Пара дней на раздумье у нас есть, – кивнула Хенельга.

Эти два судна ей тоже понравились.

И хоть тиринцы на женщин смотрели не лучше, чем данаи, но в общении они были людьми более веселыми.

Мустиф по дороге объяснил, почему они выглядят такими радостными. По их верованиям, они созданы, чтобы наслаждаться жизнью. Их боги или бог не зря создали различные удовольствия. Конечно, не стоит полностью подпадать под власть наслаждений, но расслабляться никто не запрещает.

Хитрить они могут, даже любят, не зря же их создатель наделил их природной ловкостью и изворотливостью. Это, впрочем, не меняет их отношения к жизни. Легкомысленность не худшая форма мышления.

Остается загадкой, каким образом эти люди стали лучшими купцами во всех Обитаемых землях. Не иначе тут вмешались их боги.

– Нам стоит их опасаться? – спросил Эгрегий у Мустифа.

– Они с готовностью продадут в рабство нас, если будет такая возможность.

– В их город нам лучше не соваться.

– Можем сойти по пути, они упоминали, что пройдут мимо островов.

Хенельга не помнила, что это за острова. Единственный раз она на корабле Виала видела их, но не знала, что среди этих вулканических останков находится крупный полис. Столица всех этих островов, такая же пиратская вольница, как на юге Аретии.

– Не уверен, что там нам будет безопаснее, – засомневался Эгрегий.

Они останавливались на нескольких островах, но в сам полис никогда не являлись. Эгрегий смутно представлял, где расположен этот город. Виал никогда не распространялся о нем, хотя упоминал, что он союзник гирцийцев.

Все эти острова назывались Тринакрией, оставшиеся после разрушения вулкана в древности. Боги прогневались на эту землю, послали на нее огненный дождь, серные облака, а затем и отправили на дно большую часть.

Не уцелел ни один город, но спасшиеся основали новые поселения. Одним из них стала Требула, столица всего региона. Один город, с которым не могли совладать ни тиринцы, ни гирцийцы. Город, не имеющий собственной хоры, полностью зависимый от поставок из внешнего мира.

Зато он расположен на пересечении торговых путей восток-запад, приходили туда корабли с севера. Положение обеспечило город богатством. А богатство – защитой. С Требулами решили не воевать, но сотрудничать. Золото из города поддерживало флот Гирции и Хомбата.

Побывать в этом городе хотели все, в том числе и Мустиф.

– Мой господин никогда там не бывал, – сказал бывший раб.

А раз не был его хозяин, то и раб не мог оказаться там. Бывшему рабу будет там вольготней. Острова Тринакрии известны как прибежище всех беглых. Им не обязательно вступать в пиратские ватаги, для умелых людей найдется работа.

Требула казалась не таким опасным, как полисов данаев. Из-за своего расположения, этот город просто вынужден относиться к чужестранцам без предвзятости.

Захочет ли Виал отправиться туда – вопрос, но спутники постараются убедить.

До восхода навклер не появлялся, товарищи уже начали испытывать нетерпение. Торговец вполне мог ухватиться за возможность подзаработать или послушать сплетни, не известив товарищей. К этому его спутники из Гирции привыкли, но все равно испытывали нервозность.

Уже хотели отправиться на поиски, но и днем город не выглядел приветливым, а с заходом солнца... Нет, на улицах все еще бродил народ, подгулявшие мастеровые, компании юнцов, слышался смех из соседних домов.

Для чужестранцев эти звуки не казались успокаивающими. Наоборот, голос веселящегося города лишь указывал чужакам, что они лишние здесь.

– Будем тут ночевать? – спросил Эгрегий.

В развалинах дома вроде бы безопасно, но нельзя ни развести огонь, ни поспать толком.

– Лучше в гостинице, – сказала Хенельга.

Деньги тратить она не хотела, но в четырех стенах безопасней, чем на улице. По крайней мере, там враги попытаются соблюсти видимость правомерности своих действий. А тут, на улице любой может стать угрозой для них.

Да и местные бродяги не будут рады чужестранцам. Даже для нищих чужаки – нелюди, которых можно безнаказанно обижать.

Решили накарять послание для Виала. Писали на гирцийском, с которым местные не знакомы.

Не опасаясь, что их письмо прочтут чужие, оставили его на видном месте и ушли. Для письма использовали обломок черепицы, этот красный осколок прекрасно виден на серых камнях. Виал точно не пропустит.

Решили заночевать в той же гостинице, которую посещали прошлой ночью. Комнату взяли другую, рассчитывая, что Виал их все равно отыщет. Не так то это сложно, трое чужестранцев заметны в толпе местных. А уж за пару медяков удастся получить информацию.

Товарищи навклера не сомневались, что утром он будет ждать внизу, схватившись за миску горячей каши. Довольный и хорошим завтраком, и удачной «делкой». Наверняка ведь нашел способ заработать денег или нашел судно, идущее в Гирцию.

Но утром Виал не появился.

Сначала Эгрегий, Хенельга и Мустиф не обратили на это внимания. Мало ли, где задержался торговец. Он вполне мог провести ночь в компании, осушая один кувшин вина за другим. Потому не пришел к завтраку. С выпивкой у навклера проблемы, он не может пить вино неразбавленным, как это делают варвары.

Если для дела требуется напиться – он напьется, но не стоит рассчитывать, что он поднимется с восходом после такого подвига.

Деньги у компании оставались, в гостинице можно провести еще несколько дней. Эгрегий решил не рисковать, снял комнату еще на ночь. Пусть потеряет пять медяков, но будет уверен в безопасности спутников. Пока навклер не появился, Эгрегий взял на себя заботу о товарищах.

Хотя это не особенно требовалось.

В порт они не пошли, пока деньги были, не стоило изводиться, таская паллеты с керамикой.

Как бы ни хорохорились они, но нервозность накапливалась.

– Не поискать ли его? – предложила Хенельга к полудню.

Время вроде бы не самое лучшее, однако в полдень на улицах почти никого нет. Кроме нищих, забравшихся в тенек. Среди отребья можно будет найти пьяного, возможно, избитого торговца.

– Стоит, наверное, – не очень уверенно согласился Эгрегий. – Но куда нам идти?

Хенельга припомнила, что навклер собирался идти к храмам. Вот с них и надо начинать.

– Эх, уйдут наши денежки, – покачал головой Эгрегий.

Он не сомневался, что любая информация будет стоить денег. А жить на эти деньги еще несколько дней. Лучше бы их поберечь, вдруг придется оплатить дорогу до Тринакрии.

Отправиться решили вдвоем, их неожиданный спутник вряд ли горел желанием спасать навклера. Пусть уж лучше Мустиф ожидает в комнате, сторожит вещи. Он выглядит слишком «как чужестранец». Эгрегий предлагал Хенельге остаться, но та категорически отказалась. Пусть на нее будут обращать внимание на улицах, но бросать друга она не намерена. К тому же, неизвестно, в какую передрыгу угодил Виал. Два бойца лучше, чем один. Местные не ожидают от женщины агрессивности.

Оружие спрятали под новыми плащами. Хенельга замоталась в тряпки так, что видны были только глаза и стопы в сандалиях. Никто не заметит коротких ножей у нее под одеждой.

Взять бы копье, но это оружие так просто не спрячешь.

Как ожидал Эгрегий, на них больше не глазели. Да и некому было, улицы почти пусты. В цивильной одежде чужаки выглядели как местные. От них больше не пахло долгими дорогами, волосы не походили на сальные космы. Борода скрывала бледность Эгрегия, которая заметно снизилась после нескольких месяцев на судне.

Просто мужчина с женой, идущие на рынок. Они слишком бедны, чтобы купить рабов, потому сами занимаются покупками. С таких и взять нечего.

Попрошайки протягивали к ним руки, но без особой надежды спрашивали монетку.

Кроме нищих, двух чужестранцев не замечал никто. Славно, что Виал не смог найти одежду гирцийцев. Он не хотел больше притворяться местным, но других тряпок не продавалось.

Теперь же это помогло спутникам затеряться в толпе.

Добрались до храма, который наверняка посещал Виал. Тут уж скрыть свое происхождение не удалось. Эгрегий некоторое время побродил по двору, решаясь подойти к писарю. Не хотел он выдавать свое происхождение, но тревога за судьбу товарища пересилила.

Отдать пришлось пять монет. Писарь был другой, но он помнил, что письмо торговца из Гирции в Дирахий вчера было составлено. Куда подевался торговец, писарь не знал, и подсказать не мог.

Покинув храм, Эгрегий сказал Хенельге:

– Потратили пять монет, чтобы узнать, чего так знали.

– Подтвердить необходимо было, – ответила она и заерзала под шерстяным плащом, – Как женщины терпят эти тряпки?!

В этом тряпье она ужасно потела, страдая от жары.

Эгрегий приобнял подругу, но та отстранилась. На такой жаре еще и обниматься?! Нет уж, оставьте это до вечерних холодов.

– Потому данаи в полдень не показываются на улице. Куда теперь? На рынок?

Навклер наверняка направится туда, чтобы поглазеть на товары, краем уха прислушиваясь к разговорам, а затем направится в ближайшую таберну. Что-то привлечет его внимание, а что это будет – неизвестно. Эгрегий надеялся, что на рынке уже сам поймет, куда дальше.

Ближайший рынок находился поблизости, но почти все лотки были пусты. Торговать в это время не решались, все равно ничего реализовать не получится. Общественные рабы сметали мусор, стоя на одном месте. На их шеях были закреплены железные кольца с табличками. Что там написано, Эгрегий догадывался: собственность народа Тринакрии. Рабы были варварами, из восточных царств. Явно не пленники, захваченные в набеge, а купленные на рынке. На востоке процветает торговля людьми, Виал как-то объяснял ее принципы.

Эти рабы дешевы, не знают языка данаев, но способны выполнять только не квалифицированную работу. Как раз то, что нужно. И сбежать они не смогут.

Спрашивать у них о судьбе торговца бессмысленно, рабы плохо знали даже данайский, а уж разговаривать со свободными явно боялись. Других людей найти не удалось.

Зато вокруг рыночной площади находилось несколько строений. Часть из них были общественными постройками, вроде трибуналов в Гирции.

В тени портиков собрались нищие, которых оттуда выгоняли чистые граждане. За портиком располагалось строение, в котором проводились судебные процессы. В отличие от Гирции, здесь суд проходил в закрытом режиме. Если это не какие-то особые случаи, затрагивающие интересы всего народа.

Эгрегий направился было туда, но остановился. Приплюснутое здание суда вызывало у него непонятный испуг. Как любой простолюдин, он боялся подобных заведений, связываться с судами считал безрассудным. Виал тоже предупреждал, что соваться в суды не стоит, если у тебя нет влиятельных заступников.

У них не было заступников. Здесь не было.

Нищие не смогли пролить свет на судьбу торговца. Ближайшие таберны были открыты, но внутри посетителей не было. В это время торговали только тем, что осталось с завтрака, да прохладным из погреба вином.

Эгрегий купил выпивки, спросил про товарища.

Вино было сильно разбавленным, лишь легкой кислинкой и ароматом слив напоминало о божественной жидкости. Ни меда, ни специй, но в жару этот легкий напиток намного лучше.

Отпив пару глотков, Эгрегий передал кувшин Хенельге. Та, не заботясь о приличиях, вмиг выпила весь напиток.

– Легче?

– Немного, – пытаюсь отдышаться, ответила женщина.

– Разве у вас на родине не так жарко?

– Жарко, но подобного тряпья нет! Это ужасно, это пытка!

– Вы же вроде кожу и шерсть используете. Разве не жарко в них?

Хенельга объяснила, что в жару они как и жители цивилизованных стран не показываются на улице. А если приспичит, то одеваются как можно легче. Надевают туники, принятые у кочевников Вии – длиннополые, широкие, полностью закрывающие тело, защищающие от тепла, но не сковывающие движения.

– Как хитро придумано, – подивился Эгрегий.

– Вот я удивляюсь, раз местные такие спесивые, такие умные, любители мудростей! Почему не придумали удобную одежду?

Эгрегий пожал плечами, ответа у него не было. Эмоции подруги его удивили, не ясно, как реагировать. Ведь любое слово может быть воспринято не так, а ссориться сейчас нельзя.

– Они словно все делают, чтобы мучить других! – кипятилась Хенельга.

К счастью, на улице кроме рабов не было никого. Так что на бранящуюся женщину не обращали внимание. Достойный муж данаев, за которого себя выдает Эгрегий, не стал бы терпеть подобного от своей жены.

– Пойдем-ка в тень, да поразмыслим, – предложил Эгрегий как можно мягче.

В тень пройти Хенельга не отказалась.

Они спрятались от солнца в проулке за таберной. Тут дурно пахло, от испарений кружилась голова и тошнило, но хоть солнце не пекло. Растянутые между верхними этажами веревки были увешаны сохнувшим бельем. Оно как раз закрывало от солнца.

– Мы так не нашли Косса, – сказал Эгрегий.

На ум больше ничего не шло. Оставалось только обшаривать весь город, но сколько это займет времени?

– Не нашли, – согласилась Хенельга. – Он предупреждал.

– Хочешь сказать, что нам следует покинуть город?

Хенельга пожалала плечами, не могла она такого сказать, но навклер предупредил, что подобное может случиться. Всегда говорил, что надо быть готовым к худшему.

Сейчас казалось самым разумным вернуться в Циралис, попросить помощи у коллегии. С ресурсами организации удастся что-то выяснить. Человек может пропасть бесследно, это не так уж сложно, но у коллегии больше возможностей повлиять на местных.

В крайнем случае, они могут обратиться к магистрам, что присутствует в Тритоении. Виал говорил, что у государственных служащих не принято бросать граждан на произвол.

Все это потребует времени, которого у Виала, быть может, нет.

– Тогда в гостиницу и на судно? – спросил Эгрегий.

В его голосе не было уверенности. Как бы ни обижался он на Виала, но бросать его не хотел.

– Пожалуй так, – вздохнула Хенельга.

В полуденный час появление людей сразу бросается в глаза. И это были неслучайные прохожие, ведь они появились двумя группами, перекрывая выходы из переулка.

Хенельга и Эгрегий огляделись, тут же оценили обстановку. Сообразили они быстро, что происходит и не тратили времени на болтовню. Хенельга сбросила неудобные, пропотевшие тряпки, оставшись в легкой тунике. С пояса она сняла два ножа, собиралась уже броситься в одну или другую сторону, но Эгрегий потянул ее к стене.

Женщина не сразу поняла, что от нее требуется. Эгрегий сложил руки замком, кивком головы указывая на окно второго этажа. Оно было закрыто, но старые ставни легко вышибить.

Сражаться с десятком врагов, подошедших с двух сторон, глупо. Эгрегий решил сбежать. Зато теперь развеялись все сомнения о судьбе Виала.

Хенельга дотянулась до окошка, ударила по ставням, выбивая их, и тут же забралась в комнату. Эгрегий не успел последовать за ней, только крикнул, чтобы она выбиралась из города. Не важно как, лишь бы вырваться.

Противники приближались, они были вооружены дубинками, носили кожаную броню, словно те пираты с корабля. Уж не они ли это? Эгрегий отбросил эту мысль. Он побежал вперед, в ту сторону, где переулок сужался. Там у него был шанс справиться с врагами. Умирать он не собирался, ведь всегда есть возможность выбраться из переделки.

Ему удалось только дорого продать свою жизнь. Эгрегий успел ранить двоих, когда его сбили с ног, оглушив ударом дубинки. Зато он отвлек врагов от подруги. Вторая группа нападавших бросилась к нему, а не стала преследовать сбежавшую женщину.

У нее остался шанс, которым следовало воспользоваться.

Глава 4

Бросать сначала одного, потом другого товарища – для Хенельги это было слишком. Она знала, что необходимо последовать совету друга, но не могла так сделать. Надо было предупредить Мустифа, но о кемилце она не вспомнила в тот момент.

Вломившись в чужой дом, Хенельга побеспокоила женщин, что занимались прядением. Появление незнакомки заставило их закричать, словно сюда вломилась банда грабителей. Хенельга не стала задерживаться, объяснять, что все в порядке. Все равно никто не станет слушать.

Выход был один. Хенельга направилась к нему, вышибла дверь, не задумываясь о том, что может быть на другой стороне. Хлипкая дверь вывалилась в коридор. С одной стороны к нему примыкала узкая лестница, несколько комнат было рядом. По лестнице уже кто-то спешил, привлеченный криками.

С другой стороны тоже была лестница, что вела на третий этаж, а с него можно забраться на крышу. Сверху больше простор для маневра, в отличие от узких улочек внизу.

Приняв решение, Хенельга побежала наверх. Мимо открытых комнат, из которых в коридор выглядывали люди. Никто не пытался задержать бегущую женщину, не замечали ножи в ее руках. Такая пассивность только на руку. Местные плохо соображали и не были готовы к внезапному появлению чужака в доме.

Плоские крыши были покрыты растрескавшейся черепицей. От красных крыш рябило в глазах. Черепицы трескали под ногами, в сандалиях на них едва можно удержаться. Хенельга присела, сбросила сандалии и бросила их в сторону.

Позади из открытого люка доносились голоса. Люди просыпались после отдыха, шумели, выглядывали на улицу. Шум драки привлек их внимание. Горожане высовывались из окон, громко переругивались, но никто не выходил на улицу, чтобы разнять дерущихся.

Хенельга подползла в краю крыши. Заметила, как два десятка бандитов связали оглушенного друга и потащили его из переулка. Их преследовали ругательствами, но никто не вмешался в происходящее. Смельчаков здесь не было.

Черепица легко отдиралась, а с такой высоты она пробьет даже самую твердую голову. Но есть риск задеть Эгрегия, к тому же всех оглушить не получится. Хенельга положила вырванную черепицу и продолжила следить за похитителями.

Она смогла рассмотреть их, но их одежда и снаряжение ни о чем ей не говорили. Кожаные нагрудники, дубинки на поясах, босые грязные ноги. Смуглая кожа, бороды, они не походили на наемников, но и сходство с данаями было отдаленное.

Это могли быть пираты или стражи, наподобие вигилов Гирции.

Не сомневалась Хенельга только в том, что эти же люди схватили Виала. Или попытались, если вдруг навклеру удалось сбежать.

Хенельга перепрыгнула на крышу соседнего дома, благо, что она была в футе. Верхние этажи строений почти смыкались. Она думала проследить за похитителями, но те направились по главной улице, ничуть не стесняясь любопытных взглядов. Шли они в сторону верхнего города, в саму Тритогию.

Лучше бы порт, там проще отбить товарищей.

Вскоре группа скрылась. Из-за стены домов нельзя было угадать, где они шли. Лишь по любопытным крикам, да шуму на улицах можно угадать маршрут. Хенельга постаралась запомнить, куда они направлялись, но не особо рассчитывала на успех.

Легко ошибиться.

Опасность миновала. Казалось, ей удалось вырваться. Но весь Парнест представлял собой ловушку. Придется последовать совету Эгрегия, покинуть город, не дожидаясь, когда у тиринцев закончится их дурацкий праздник.

Но нужно предупредить Мустифа, забрать деньги, оружие.

Последнее даже важнее, о судьбе бывшего раба Хенельга мало заботилась. Удивляло, зачем его спас Виал, только проблему себе выловил из моря.

Хенельга остановилась, до нее вдруг дошло, кто виноват во всем этом. А раз так, то свидеться с Мустифом точно надо.

– Будь проклят этот... этот!

Ругательств на цивилизованном языке она знала мало, в ее обществе мужчины предпочитали не выражаться. Ничего, этот недостаток не помешает потолковать с парнем.

Спуститься на улицы не составило труда, но без подходящей одежды Хенельга чувствовала себя голой. Ножи пришлось разместить на завязках, под туникой. Не очень удобно, если придется драться.

На женщину обращали внимание, но пока никто не пытался схватить и потребовать объяснений. Мужчины данаи отвечивали свои дурацкие комментарии, словно от этих слов женщина должна вспылать к ним невиданной страстью.

Странное у них представление, что все представительницы слабого пола только и мечтают, чтобы унять зуд в одном месте.

Дальше слов дело не доходило. После полудня, проспавшиеся и пожравшие мужи данаи походили больше на ленивых псов, что развалились на траве под тенью дерева. Совсем не похожи на страшных кабанов, с которыми сравнивают себя в сказаниях. Скорее боровы, выращенные ради жира и мяса.

Но лучше боровы, чем те ублюдки, что похитили ее друзей.

Добравшись до гостиницы, Хенельга некоторое время наблюдала за зданием. Беспокойства заметно не было, люди входили и выходили из помещения. После полудня улицы ожили; люди, закончившие работу искали, где развлечься, только в гавани докеры и торговцы продолжали трудиться. Сейчас наступала самая жаркая пора у харчевников.

Гостиницы у гавани не пользовались популярностью, но многие докеры, свободные от вечерней смены, посещали ее. Никто не проходил мимо, в течение часа люди на улице сменялись, уходили и приходили. Поблизости никто не задерживался. Это немного обнадеживало, но все равно оставался риск, что внутри засада.

Ждать больше Хенельга не могла, направилась к главному входу, прошла через зал, не обращая внимания на окрики хозяина гостиницы. Без мужчины, в таком неподобающем виде она не имела права войти. Как бы не имела, но распускать без надобности руки хозяин тоже не осмелился.

Хенельга послала его в бездну, сказав это на гирцийском. Пусть считает ее варваром. В звании варвара тоже есть свои плюсы.

Наверху никого не оказалось. Люди не желают оставаться в клоповнике весь день; лучше уж побродить по рынку, посидеть в питейной или отправиться в сады. Все помещения были пусты, двери открыты. Хенельга убедилась, что на этаже никого не было, после этого постучала в закрытую дверь.

Мустиф сидел в комнате, кроме него никого не было. Он сразу понял, что произошло непредвиденное, но не ожидал, что Хенельга схватит его и прижмет к стене, сдавив предплечьем кадык. Долго возилась, прежде чем достать нож, но бывший раб все равно не сопротивлялся, не понимая, что происходит.

– Говори! – потребовала женщина. – Или клянусь Мефоном, я перережу твою глотку!

Угроза звучала не так устрашающе, как блестящий нож, ранящий кожу. Мустиф понял, что угрозу приведут в исполнение, но что сказать, не знал.

– Отпусти! – взмолился он, Хенельга не послушалась, только сильнее надавила на кадык. – Я не понимаю, что ты хочешь!

– Все так говорят.

Ей доставляло удовольствие выбивать признание из этого предателя. Отчасти потому, что не удалось успокоить кого-нибудь из тех нападающих, что увели Эгрегия.

– Разве не ты предал нас. Только у тебя был мотив и возможность.

– Кому предал? Я здесь никого не знаю.

– Чушь! Ты решил отомстить за своего хозяина!

Хенельга придушила парня, чтобы тот не мог кричать. Она не хотела, чтобы с первого этажа сюда поднялся хозяин или его раб, желающий разобраться с шумными постояльцами.

– Ты сдал нас, сообщил, куда пойдет навклер, а потом и мы!

– Да кому я это мог сказать?!

Лицо Мустифа побагровело, он задыхался, но не пытался вырваться. Хоть он и мужчина по рождению, но эта женщина намного сильнее.

– Я все узнаю, – Хенельга оскалилась.

Из-под лезвия ножа появилась капелька крови. Кровь предателя потекла вниз, окрасила предплечье женщины. Эта кровь была горячеей, но не могла потушить пламя ненависти.

Этого обманщика она собиралась резать по кусочкам, выпытывая правду. Он бы все рассказал, хотя это теперь не требовалось.

Внизу послышался какой-то шум. Хенельга сначала не обратила на него внимания. Драка какая-то. Подобное случается в портовых тавернах с завидной регулярностью. Но шум не затихал, это была не стычка каких-то докеров или моряков. Шум нарастал, затягивал весь зал.

Хенельга отвлеклась, прислушивалась. Этим воспользовался Мустиф. Он знал, как надо поступать, если тебя схватили за горло. Для этого много ума не надо, действовал парень инстинктивно, только потом подумал, что у женщины нет яичек. Но все равно, удар между ног, заставил женщину ослабить хватку. Она побледнела, чиркнула ножом по коже, но хоть не рассекла ее глубоко.

Зажав рану на шее, Мустиф оттолкнул от себя фурию и сполз по стене. Он пытался отдышаться, лишь краешком сознания понимая, что надо бы бежать. Перебирал ногами на месте, но никак не мог подняться.

Незапертая дверь распахнулась, в комнату ввалились давнишние бандиты. Они схватили Хенельгу, выбили из ее руки нож и быстро связали. Пусть она женщина, но недооценивать ее не собирались. Словно знали, с кем имеют дело.

Та же участь постигла Мустифа, но с парнем обошлись мягче – стукнули по голове, да связали ему руки за спину.

Обезвредив, их вынесли в коридор, а в комнате осталось двое. Они тут же принялись перетряхивать пожитки чужестранцев.

Оглушенных пленников снесли вниз, где царил форменный бардак. Все столы перевернуты, на полу кровь, выбитые зубы и клочки волос. Трупов не было, просто нападающие раскидали всех, кто не хотел по доброй воле покинуть помещение.

Хозяин таверны лежал на полу со связанными за спиной руками. Он громко ругался, булькая кровью. Выплевывал иногда обломки зубов. Из-за занавеси, что отделяла кухню от общего зала, выглядывали рабы, но они не смели вступить за хозяина. Хотя того требовал закон.

Хенельга начала приходить в себя. Руки были надежно связаны, но ноги остались свободны. Можно подняться и сбежать. Если бы удалось отвлечь врагов. Женщина озиралась, ища возможность. Мустифа бросили рядом, тот счел за благо не дергаться, хотя кровь текла по его шее.

– Парень ранен, скоро умрет, – сказала Хенельга на языке данаев.

На ее слова не обратили внимание. Толи понимали, что рана ерундовая, толи им все равно. Скорее уж второе, о судьбе раба, даже оказавшего помощь, не беспокоились. Кровь на темной коже отчетливо выделялась, из длинного пореза она вскоре натекла в небольшую лужицу на полу.

Лицо бывшего раба бледнело, но не похоже, что он вскоре потеряет сознание. Тут скорее проблема, что его хорошо ударили по голове.

– Эй! У него кровь! Он умрет!

– Заткнись, шлюха, – ответил один из бандитов и пнул Хенельгу.

Женщина согнулась, задыхаясь. Удар был сильным, на некоторое время она забыла о попытках к бегству. Когда пришла в себя, поняла, что на Мустифа не стоит рассчитывать. Во всех смыслах. Парень закатил глаза и прикинулся потерявшим сознание.

Хенельга видела, что он просто притворяется. Бывший раб из Кемила знал много уловок, чтобы получать как можно меньше побоев. А вот Хенельга не приобрела этих знаний.

Что бы она не пыталась сделать, успеха это не имело. Ноги ей не связали только потому, что ей предстояло идти по улице. Никто ее не собирался нести, как царицу.

Ей накинули петлю на шею, веревкой притянули руки. Так она будет больше думать о том, чтобы не придушить саму себя, чем о бегстве. Мустиф плелся рядом, его быстро привели в чувство, вылив на голову ведро с помоями.

Прохожие глазели на странную процессию, некоторые даже пытались вмешаться – на словах. Бандиты не бросались на прохожих, без особой вежливости огрызались. Говорили они на языке данаев, что очевидно. Хенельга, чье внимание занимала только шея, не слышала ни вопросов, ни ответов. Зато Мустиф прислушивался к разговорам.

Их называли преступниками, беглыми рабами, что покинули рабский поселок в Липсидрах, что на севере. Про это место Мустиф слышан. Как и жители Тритогении. Так что судьба беглых рабов ни у кого не вызвала сожаления. Наоборот, вскоре их начали освистывать, закидывать гнилыми овощами.

А бандиты словно специально вели своих пленников по главным улицам.

Весть о том, что ведут беглых рабов, разлетелась по Парнесту. Вскоре поприветствовать пленников сбежался чуть ли не весь свободный люд. Никто не хотел пропустить послепопуденное развлечение.

Так просто пленники лишились не только свободы, но и возможности апеллировать к гражданам города, к толпе. Судьба чужестранцев их бы не особенно волновала, но все же это свободные люди. А беглые рабы – презреннейшие из созданий. Сбежав с рудников, они не просто нарушили закон, но покусились на благосостояние граждан Тритогении. Этого ни один горожанин не потерпит.

Серебро с рудников до сих пор обеспечивает горожан ежегодными подачками. Несколько монет, мешок зерна и амфора масла, а так же монетка для похода в театр – оплачивается трудом бесправных в Липсидрах.

Мустиф подивился, как хитро поступили люди, пленившие их.

У Виала и его спутников были кольца, указывающие на их статус свободных. У Хенельги и Мустифа ничего такого нет. Все-таки навклер был прав, искать справедливости у данаев не стоит. Они не станут слушать рабов, женщин, отпущенников и чужестранцев.

Пленников вели на север, но не в Тритогению. Для таких гостей в порту были прекрасные гостиницы. Расположенные в северной стене казармы стояли заброшенными. Разрушать их не стали, сохранили после войны. На гарнизон для северной стены не хватало денег, да и воевать на собственной территории Тритогения больше не собиралась.

Так что эти казармы теперь использовались как темницы. Туда бросали должников, для которых следующей ступенью станет рабство и путь на международные рынки. Преступников, ожидающих отсечения какой-нибудь конечности или иной казни. Не зря же в Парнесте столько

калек. В темницы приглашались рабы перед их отправкой на север в горы, где они будут трудиться на благо всей общины.

Женщинам везло чуть больше, этот товар не тратили попусту. Ведь их всегда можно использовать по прямому, задуманному богами назначению. Впрочем, свои функции они могли исполнять даже лишившись какой-нибудь малозначительной конечности или обрета «украшение» в виде татуировки на лице. Все, лишь бы не сбежали.

Хенельгу и Мустифа разделили. Женщину бросили в одно помещение, а парня отправили в другое. Необычно то, что их держали не в общем загоне, а в отдельном стойле. Подобный комфорт пленникам обычно не положен.

Камеры были небольшими, едва можно развернуться. Зато никого рядом нет, кроме крыс и клопов.

Хенельгу освободили от пут, бросили на земляной пол и закрыли за ней дверь. Женщина долго не могла отдышаться, шея горела от объятий злой веревки, но в уме пульсировала мысль, что надо подняться. Надо искать выход.

Боль все равно останется, а сбежать надо. Прямо сейчас надо!

Хенельга поднялась на четвереньки, быстро ощупала себя. Кроме туники на ней ничего не осталось, ни пояса, ни сандалий, ни – было бы смешно, – ножей. Она даже не заметила, когда с нее сорвали все это.

Небольшая камера, земляной пол, темно. Никаких оконцев для пленников. Судя по запаху, раньше это был склад боеприпасов. Ужасно пахло земляным маслом. Потому помещение небольшое, каменные стены, без деревянных перекрытий; если зелье взорвется, так хоть не пострадают соседние комнаты.

Дверь новая, из непрочных досок. Судя по запаху – маслина. Не удивительно, это самое распространенное дерево в округе. Доски были усилены свинцовыми пластинами, тоже материал, которым богат полуостров.

Из щелей в двери пробивались робкие лучики света. Доносились звуки подземелья: капала вода, кричали люди, слышался смех и звон бронзовых доспехов. Как не похоже на все те звуки, что Хенельга слышала раньше. Особенно она не могла привыкнуть к звону бронзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.